

М. БЕЛЛЕР

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Михаил Иосифович Веллер

Своими глазами (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945255

Веллер М. Своими глазами. Сборник: АСТ; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-067478-7

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

Самые авантюрные и остросюжетные повести Михаила Веллера составляют эту книгу. Зрительно яркие, как кинобоевики или театральные премьеры, они охватывают спектр истории от викингов до сталинского политбюро.

Содержание

Герои далеких горизонтов	5
Жестокий	5
Часть первая	7
Беглец	7
Викинг	9
Буря	11
Спасение	12
Набег	13
Казнь	14
Монастырь	19
Кордова	23
На службе у Рогера Сицилийского	24
Змея	29
Византия	35
Иерусалим	38
Переворот	45
Меч Империи	51
Награда	55
Побег	58
Часть вторая	67
У князя киевского	67
Главный сборщик налогов	70
Любовь	77

Польский поход	82
Свадьба	90
На родину	94
Тинг	100
Корона	102
Внутренняя политика	109
Англия	115
Вторжение	119
Последняя битва	121
Эпилог	127
О дикий Запад!	130
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Михаил Веллер

Своими глазами

Герои далеких горизонтов

Жестокий кино-роман

Посвящение

Дольфу Лундгрену, родившемуся на свет, чтобы сыграть эту роль.

Пояснение

Середина XI века – конец эпохи викингов. «Веер викингов» накрыл всю Северную Европу, Испанию, Италию, Византию, Русь, Каспий. Лучшие бойцы мира – они жили мечом и сдавали его в наем. «Избави нас, Господи, от гнева Своего и от неистовства норманнов», – молились монастыри. Родственные династии скандинавов сплетались в клубок и сменяли друг друга на дальних и богатых престолах.

Перечисление

Харальд III Хардероде – конунг Норвегии, последний «морской король». «Хардероде» означает жестокий, крутой,

беспощадный, суровый, победный.

Вильгельм Бастард – герцог Нормандии, завоеватель Англии, норманн.

Кнут Великий – король Дании, Швеции, Норвегии, Исландии, Англии, норманн.

Ярицлейв Скупой, он же конунг Руси Ярослав Мудрый, норманн.

Ингигерда, его жена, дочь конунга Швеции Олава.

Элисив, она же Елизавета, их дочь, жена Харальда.

Рогер Сицилийский, герцог Сицилии, норманн.

Магнус Добрый, конунг Норвегии.

Зоя Великая, императрица Византии.

Гарольд Уэссекский, король Англии.

Мы опускаем такие значимые фигуры, как Свейн Датский, Хардакнут, Олав Святой, Турир Собака, Сигурд Свинья, ярл Моркар и ряд других, чтобы не запутать зрителя в густых и смертельных узлах борьбы за власть этой эпохи фаталистов и рубак.

Предупреждение

Мировая история не знала такого головокружительного боевика, как судьба Харальда Хардероде, покрывшего себя славой первого бойца эпохи и не познавшего поражений в сотнях схваток.

Итак – когда наш мир был юн, энергичен, нетерпелив и жесток, тысячу лет назад...

Часть первая

Викинг

Беглец

1. Ночь, дом из валунов и бревен с земляным полом и узкими окнами-бойницами, факелы и крики нападающих. Стрела влетает в окно и дрожит в стене. Мать перевязывает рослому пятнадцатилетнему подростку раны на руке и боку.

– Беги, – говорит она, торопя.

– Я умру вместе с тобой, – презрительно отвечает он, – но сначала перебую дюжину этих собак.

– Ты не должен умереть. Ты должен отомстить.

– Я отомщу каждому, кто войдет.

– Ты должен стать конунгом и отомстить тем, кто повел их.

В отблесках факелов по его лицу катится пот, когда она перетягивает рану, но лицо неподвижно, не кривится.

– Почему они пошли против отца? Ведь он был конунг по праву.

– Потому что они глупы и доверчивы. Они думали, что так они станут свободны и не будут платить налоги.

– А разве это не так?.. – мрачно говорит он.

– Нет. Теперь они станут платить датчанам и англичанам –

не только скотом. Дочерьми, кровом и кровью. Кто защитит их? Для того Кнут и дал им оружие и своих англов и данов, чтоб завладеть стадом без пастуха.

– Так что, они не понимают?

– Сегодня еще нет. Ум простых людей короток.

Слетает бревно с крыши, сверху лучник стреляет в щель, стрела вонзается матери в грудь.

– Управляй... без... жалости... – выговаривает она.

Подросток мечет в щель нож, лучник со стоном исчезает.

Торопливо надевает кольчугу, шлем, открывает внутреннюю дверь в скотную службу под общей крышей. Выводит белого коня, обвязывает ему морду тряпкой, смочив в ведре с водой. Берет в левую руку щит, правой проверяет меч без ножен на боку. Ждет.

Крепкий дом трещит под ударами, в щели летят факелы, загорается утварь. Пятнадцатилетний Харальд тяжело влезает в седло, пригибаясь под низким потолком. Перегнувшись, отворяет тяжелую окованную железом дверь и вылетает наружу.

2. От неожиданности штурмующие, вооруженные крестьяне-бонды, на секунду опешивают. Он сбивает конем одного, срубает второго, принимает на щит удар третьего и в мягком стуке копыт уносится в ночь.

3. Стрела вдогон цокает сзади по шлему и соскальзывает вниз, оцарапав шею и застряв в вырезе кольчуги. Он презрительно отбрасывает ее.

Викинг

4. Серое небо, серые волны, бурый берег. Поскрипывает причальный канат – дракон на высоком форштевне узкого черного корабля оскалил пасть. Крытые дерном хижины, кучка викингов.

Они смотрят на подходящего Харальда. Конь идет позади – меч, щит, шлем приторочены к седлу.

Взглядом Харальд определяет предводителя:

– И хочу уйти в поход с твоей дружиной.

– Готов поговорить об этом... года через три.

Смешок по толпе.

– Я пришел сейчас, – увесисто говорит Харальд.

– Я ответил, – презрительно бросает ярл.

– Я тоже готов ответить. – Харальд отступает к коню, надевает шлем, берет щит и меч: – Вели выйти любому из твоих бойцов, если не хочешь сам.

Смешок переходит в хохот.

– Эйгар, – бросает ярл.

Сзади выходит некрупный норманн в кожаной рубахе, подпоясанной веревкой. Улыбаясь, развязывает веревку, подбирает камень-голыш размером с крупный кулак и обвязывает концом веревки, превращая в род примитивного цепа или кистеня. Резкими взмахами вращая за веревку перед собой, делает шаги навстречу Харальду.

– Ты презираешь меня и вышел с камнем, как на собаку?.. – кривит рот от унижения Харальд. – Хорошо. Я посплю с тобой как с собакой.

Отбрасывает щит и меч, снимает шлем, начинает стаскивать кольчугу. Они видят кровавые пятна на руке и боку, расплзающиеся по холсту рубахи, лица серьезнеют.

Харальд теряет сознание, оседает.

5. Приходит в себя, лежа на шкурах в хижине, его поят горячим отваром.

– Кто ты? – спрашивает ярл. – Говори не боясь, ты мой гость.

– Харальд, сын Сигурда.

После паузы:

– Нам не нужны враги в Норвегии, – раздумчиво говорит рослый рыжебородый викинг за плечом ярла.

– Мы уходим надолго. Кто знает, что задумали боги, – отвечает ярл.

6. Викинги переносят свои сундучки на корабль. Укладывают оружие и припасы, навешивают щиты вдоль бортов. Канатом привязывают за кормой большую лодку: поход долгий, нужно место для добычи и пленных.

Выздоровевший Харальд отводит от поселка за холм своего коня.

– Ты служил отцу, и ты служил мне. Больше ты никому не должен служить. Ты будешь ждать меня на пастбищах у ворот Валгаллы, на тебе я въеду к Одину – клянусь. – Вонзает

коню в грудь меч.

7. Викинги наваливаются на весла. Парус. Даль.

Буря

8. Буря, ночь, молнии. Пенные валы бьют драккар. С хрустом он напарывается на риф, проволакивается по нему. Течь в корпусе, вычерпывают воду, драккар оседает: утонет.

– Переходить в лодку! – кричит один в свисте ветра.

– Она и половину нас не вместит! – кричит другой.

– Пусть решит жребий! – говорит ярл.

Он достает пучок стрел.

– Эйгар! Дай твои черные стрелы.

Ярл кладет рядом по две стрелы – белую, лучше различимую во тьме, и черную – и секирой рубит их попарно на равные отрезки. Ссыпает палочки в шлем.

Викинги по одному тянут жребий. Вытянувшие белый перебираются в подтянутую к корме лодку. Вытянувшие черный возвращаются к веслам и вычерпывать воду.

Харальд в лодке. Ярл – ему тоже выпало спастись – переходит последним и собирается перерезать канат.

С кормы молодой викинг кричит:

– Это ли ты обещал мне, ярл, когда звал с собой в поход?

– Что ты предлагаешь? – тяжело спрашивает ярл.

– Чтобы ты перешел на мое место, а я – на твое.

– Будь по-твоему. – Ярл собирается вернуться в драккар.

– Людям нужен вождь, – Харальд оказывается впереди него и прыжком возвращается на драккар.

Он презрительно говорит в лицо тому юноше:

– Ты, должно быть, очень любишь жизнь и думаешь, что умереть – это трудное дело. – Хватает его за шиворот и штаны и швыряет в лодку. И взмахом ножа перерезает канат.

Лодка исчезает в темноте, люди на ней отгребают в сторону.

– На весла! – командиром гаркает Харальд. Наваливается на рулевое весло на корме. – Держим по ветру! Вычерпывай!

– Зачем напрасно спорить с богами, – сурово замечает викинг рядом с ним. И тут же получает нож под ребро и уносится волной за борт.

– Боги приказывают сражаться всегда, – бешено отвечает Харальд, стряхивая кровавую воду с ножа.

Очередной вал накрывает их с головой. Отплеываясь и задыхаясь, Харальд привязывает себя к веслу.

Спасение

9. На рассвете их вышвыривает на отмель низкого берега. Корабль в щепы, спасают лишь оружие. Сбиваемые с ног прибором, выбирают на сушу.

10. Угрюмой мокрой кучкой бредут вдоль стихшего серого прибоя. Указывают рукой на предмет, болтающийся в волнах и прибываемый к берегу. Идут туда, бегут.

Их лодка качается у берега, кверху пробитым днищем. Невдалеке на песке – сундучок одного из викингов с сорванной крышкой...

Утонули те, кто должен был спастись...

– Один поменял наши жребии, – говорит один.

Суеверно глядя на Харальда, другой указывает пальцем:

– Один сохранил его жребий. И нас вместе с ним.

Третий смотрит задумчиво, обмеряя Харальда взглядом:

– Похоже, твоя удача велика, сын Сигурда. Будь с нами.

Набег

11. Один принохивается. Другой указывает рукой: струйка дыма над холмами. Молча, быстро идут в том направлении, на ходу группируясь в компактную кучку, проверяя и удобнее перехватывая оружие.

12. Поселок у берега меж холмов – десяток домов, крытых дерном, несколько коров на лугу, пара вытасненных лодок близ берега.

13. С ревом набегают викинги, разворачиваясь в цепь, работая мечами и секирами, вышибая двери и не щадя никого. Кровь стекает через порог. Женский крик. Выскакивает с копьем крестьянин и падает, срубленный. Пытается убежать девушка с распущенными волосами, но ее догоняет брошенный нож. Черный дым поднимается над хлевом.

14. Викинги сносят все добро в лодки у берега: ткани,

меха, украшения, сундучки, кожаные мешочки с монетами, топоры и ножи... Обмениваются радостными замечаниями: жизнь налаживается! Переступают через трупы.

15. Пир на берегу. Огромный костер. Бычья туша на вертеле. Связка жареных гусей. Ковшами черпают пиво, передают чаши с вином, гогочут, вытирают об одежду масляные руки, обливаются пойлом, блики огня на заросших лицах. Упиваются.

Казнь

16. Харальд приходит в себя, не может пошевелиться, стонет, открывает глаза.

Крепко связанный, он лежит на траве.

Его друзья, стянутые веревками, лежат здесь же.

– Тор и Фрейя! Кто посмел! – рычат и ругаются викинги.

Некоторые извиваются, силясь высвободиться из пут.

– Посадите их, – раздается повелительный голос.

Чужие воины сажают викингов на земле, некоторых – опирая спинами друг о друга по двое-трое.

Коренастый человек в длинной кольчуге стоит над ними, отдавая распоряжения. Рукоять меча за его поясом инкрустирована камнями.

– Хелльбранд, старый знакомый, – протягивает он, узнавая одного из викингов. Тот отводит глаза и зло сплевывает.

Огромный, похожий на медведя воин вопросительно

смотрит на предводителя.

17. Харальд смотрит: чужой драккар стоит у берега, черный, смоленый, и стяг вьется на неспущенной мачте: на небесно-зеленом поле – черный ворон с распущенными крыльями; ветер веет, и ворон, растопыривший когтистые лапы, шевелит крыльями.

18. Предводитель делает характерный жест ладонью.

19. Часть викингов с перерезанным ночью горлом лежит на траве.

20. Оставшихся человек пятнадцать рассаживают через промежутки на огромном бревне, лежащем у сожженного поселка. Руки их связаны за спиной, меж спиной и вязкой проходит вбитый в землю за бревном кол, таким образом что его верхушка торчит на уровне лопаток: не дернуться. Двое воинов подтаскивают очередного викинга за плечи и сажают на бревно, третий просовывает сверху кол за его спиной под вязки рук и камнем вбивает в землю, пока верхушка не уйдет ниже уровня шеи сидящего.

Похожий на медведя боец с широкой секирой подходит к бревну, перехватывает секиру за самый конец длинной рукояти, делает широкий круговой горизонтальный взмах – и голова крайнего викинга отскакивает и катится.

Негромкий одобренный гул его товарищей.

Вторая голова. Третья. Исполнитель явно щеголяет техникой удара.

Наконец, он подходит к Харальду. Секира в крови.

– Не испачкай мне волосы, – презрительно говорит Харальд.

Наблюдающие казнь воины усмеваются шутке. Эти люди умеют ценить мужество.

– А что же мне, мыть ради тебя одного топор? – пренебрежительно отвечает исполнитель, задетый его мужеством и моральным превосходством в этот миг.

– Можешь вырубить мне кровавого орла, – бросает Харальд как бы небрежно.

Секундная пауза и внимание зрителей.

– Ты просишь разрубить тебе ребра и вырвать легкие? – уточняет исполнитель: тень недоверия и уважения в его голосе.

– Ты можешь посмотреть, как умирает викинг из Норвегии, – говорит Харальд, глядя в глаза вождю.

– В Норвегии есть мужчины, – одобрительно замечает один из зрителей.

Исполнитель разрезает веревки за спиной Харальда, освобождает и отводит от спины его руки и рывком разрывает рубаху.

– Кол тебе не мешает? – спрашивает Харальд и пересаживается чуть в сторону, чтобы палачу было удобнее.

Тот перехватывает рукоять секиры ближе к лезвию и примеривается.

Вождь делает приостанавливающий жест.

– Хочешь ли ты получить жизнь? – спрашивает он.

– Смотри кто ее предлагает, – с достоинством отвечает Харальд. – Не от каждого можно принять такой подарок.

Воины гудят, хохочут и хлопают друг друга по спинам. Симпатии явно перешли на сторону Харальда.

– Мальчишка молодец!..

– Ты прав, – говорит вождь. – Тебе предлагает ее ярл Ингвар. Можешь ли ты принять мой подарок?

– Могу, – с паузой, ровно отвечает Харальд.

– Хорошо, – говорит ярл. – А то я уже боялся, что ты мне откажешь.

Общий хохот.

– Назови себя, чтобы я знал, кого одарил, – велит ярл.

Харальд встает, гордо выпрямляется:

– Ты имеешь право знать мое имя. Харальд Сигурдарсон, сын конунга Норвегии.

В зрителях – криканье, покачивание голов.

– Ты стоишь денег, – задумчиво говорит ярл.

– Я стою больше.

– Но я еще не назвал суммы.

– Сумма неважна. Все равно больше. Хотя сейчас мой дом сожжен, а отец мертв, и некому заплатить тебе.

Исполнитель переступает ближе к нескольким еще живым викингам и вопросительно смотрит на ярла. Обезглавленные трупы сидят на залитом кровью бревне.

– Храни тебя Один, Харальд, – улыбается первый в очереди и командует исполнителю: – Ну!

– Развяжите их, – приказывает ярл. – Мне понравился один из них.

Он протягивает руку. В руку вкладывают меч Харальда. Он протягивает его Харальду со словами:

– Он твой. И я предлагаю вам с ним служить мне, – и после паузы и взгляда добавляет, – пока ты не вошел в силу.

– Сколько будет стоить мой отказ?

– Их жизни. – Ярл кивает на троих оставшихся в живых викингов.

– А мое согласие?

– Мою дружбу. И честную долю в добыче.

– Мои люди будут подчиняться мне, – говорит Харальд.

– Это справедливо. А ты – мне.

– Это справедливо. Пусть будет так.

21. И вот они уже пьяны в попойке – на том же месте, где сутки назад, и такая же бычья туша на гигантском вертеле над костром, те же бочонки и чаши вкруговую и отблески костра на лицах, и искры, улетающие во тьму.

– Ты бы действительно убил их? – негромко спрашивает Харальд ярла.

– Нет. А ты бы действительно отказался идти ко мне?

– Нет. Почему ты подарил мне жизнь? В Норвегии много храбрых людей.

– Я чувствую в тебе удачу. Боги любят тебя.

В кармане своих кожаных штанов Харальд машинально нащупывает палочку и вытаскивает – это его давешний бе-

лый жребий. Смотрит на него в свете костра и прячет обратно...

Монастырь

22. Драккар под красным квадратным парусом в сером бескрайнем море.

23. На палубе один из викингов, правя брусом лезвие меча и пробуя его пальцем, говорит другому:

– В монастырях много золота и серебра.

– А воинов нет совсем, – отвечает тот мечтательно.

24. С шипением и треском днища по гальке драккар врежется в берег. Парус падает. Расхватывая висящие по бортам щиты – круглые, деревянные, раскрашенные – викинги сыпятся на берег.

25. Каменный монастырь – смесь церкви с небольшой крепостью – стоит на холме. Ворота поспешно закрываются.

Викинги, сверкая оружием, набегают с ревом.

Стрелы со стуком втыкаются в сходящиеся створки ворот, окованные железными полосами. Пронзенные, падают один и второй монахи, не успевшие закрыть их. Нападающие массой наваливаются на ворота, растворяют, текут во двор.

Падают под ударами монахи в черных рясах.

Нападающие сдирают оклады с икон, вытряхивают Святые Дары из дароносицы, разворачивают на просмотр и суют за пазухи изукрашенные парадные облачения.

В погребѣ вышибают днища из винных бочонков и пьют.
Пылает кровля.

26. Ярл и Харальд в башне, на винтовой лестнице перед запертой дверцой в часовню.

Ярл бьет раз и еще секирой, дверь разваливается.

Высокий седой старец с посохом, настоятель, пытается остановить их проклинающим жестом.

От сотрясения разбившего дверь удара еще колеблется лампада на краю полочки под иконой – и падает на каменный пол, масло из нее растекается.

Ярл делает шаг вперед и взмахивает секирой, чтоб раскроить череп настоятелю – но пяткой поскальзывается на разлившемся масле и падает навзничь, цепляясь за высокий порог сзади – и затылком на крутые каменные ступени. Безвольно съезжает вниз и замирает – красная лужица расходится под затылком.

Харальд смотрит ошеломленно.

– Всемогущ Господь! – торжествующе каркает старец, осознав происшедшее, и вздымает руку. – Кто осилит волю его?

Харальд осторожно переступает через масляную лужу и взмахом меча сбивает кресты и иконы со стен.

– Я, – отвечает он.

И в этот миг на старце вспыхивает снизу одежда – загорается на полу масло из упавших лампад.

Харальд оглядывается на лежащего внизу лестницы ярла

и говорит горящему все обширнее старцу:

– Он уже в пути к Одину. Ступай и ты к своему богу.

Вынимает из его руки посох, выходит и закрывает на посох, вдев его в наружные петли по бокам дверцы, эту разбитую дверцу, оставляя старца в огне.

В набалдашнике посоха рдеет крупный рубин. Харальд выковыривает его мечом и зажимает в мертвую ладонь ярла:

– Это не цена за мою жизнь... но возьми.

И выходит из загорающейся башни.

27. Вечерний пир на берегу. Догорающий монастырь.

– Хороший погребальный костер у нашего ярла, – говорит один викинг.

– Это правда, что монах загорелся, когда ты посмотрел на него? – спрашивает другой Харальда.

– Я не знаю, отчего он загорелся. Но я посмотрел, и после этого он стал гореть.

– Ты лжешь, – говорит третий. – Только великий волшебник мог бы это.

– Вспомни, как мы спаслись, – возражает ему один из тех, кто спасся с Харальдом в кораблекрушении. – Боги дали ему большую удачу.

– Даже с самой большой удачей нельзя сжечь человека, лишь посмотрев на него!

– А если это сделал Тор, мстя за Ингвара?

Викинг в затруднении. Другой вступается:

– А зачем Тор допустил ему поскользнуться?

– Значит, его удача кончилась.

– Я не верю! – настаивает неверящий викинг.

Харальд встает, берет меч и щит и приглашающее отходит:

– Один из нас прав. Я готов доказать, что лжец ты, если не веришь.

Викинг берет оружие. Им освобождают место у костра. Крадучись кружат друг вокруг друга. Звенят мечи.

Харальд замечает небольшой гладкий камень близ костра, блестящий от жира, и мясной обьедок рядом. Маневрирует так, чтобы этот камень оказался позади викинга. В нужный момент делает выпад, они стучаются щит в щит, Харальд – шаг назад и замах меча, викинг – полшага назад и поднимает щит: и вдруг падает на ровном месте головой в костер, волосы мгновенно вспыхивают – он наступил на залитый жиром камень.

Единый выдох зрителей. Поверженный выбирается из огня, его гасят.

Снова пьют. Харальд передает чашу побежденному.

– Если ты не колдун, то лучше тебе быть ярлом, – говорит тот и пьет.

28. Утро. Всю добычу складывают на драккаре у мачты. Один тащит сверток шелка, другой кидает сверху кривой кинжал в изукрашенных ножнах.

– Такие носят сарадины, – замечает один.

– Это вещи из Кордовы, – говорит седой викинг.

- Мне нравится Кордова, – задумчиво говорит Харальд.
- Ему нравится Кордова! – хохочут кругом.
- А почему бы и нет. – Харальд переводит взгляд к горизонту.

Кордова

29. Высокие черные скалы скользят вдоль бортов драккара. Пролив, Гибралтар, пройден: с одной стороны уходит вдаль лазурное теплое море, с другой – появляются пальмы на песке и белые зубчатые стены мавританских построек: Кордовский Халифат.

30. Перед мачтой, на месте ярла и с осанкой ярла, стоит Харальд и щурится вдаль. На лице пробился грубоватый светлый пушок, он повзрослел, покрупнел. Зеленый флаг с вороном над ним.

31. **И** викинги рубятся меж пальм и белых стен с маврами в тюрбанах и с кривыми саблями. Вопли и кровь, прах и пепел: налет по полной программе.

32. Груды добра сносятся на драккар. Шелк и парча спихиваются в сундуки на палубе, узкое и легкое арабское оружие складывается в узкий ларь на корме, жемчуга и камни вмеремешку с золотыми монетами ссыпаются в ларцы.

33. Кучка юных красавиц в изорванных полупрозрачных одеждах, почти не прикрывающих наготу, жметесь в испуге на разгромленной площади. Окружившие их викинги обме-

ниваются нетерпеливыми замечаниями.

Харальд шагает вперед, выбирает смуглую брюнетку – полную противоположность собственному светлому скандинавскому типу – и волочет в ближайшую постройку, дверь ее сорвана.

Отчаянный девичий крик из развалюхи, где они скрылись.

Викинги ухмыляются и с ревом бросаются на женщин, таща в стороны.

На службе у Рогера Сицилийского

34. Тяжело осев по планширь, движется драккар по бескрайней лазури – черный корпус, красный парус, зеленый флаг.

Раскинувшись в вольных позах, с сытым выражением отдыхают викинги на палубе. В центре – заматеревший Харальд.

Виден берег, и драккар у берега, и над шатром – голубой флаг с черной змеей.

– Такое знамя было у Рогера... – щурится вдаль седой викинг. – Его отец, Танкред, был дружен с ярлом Ингваром...

35. Драккар Харальда табанит веслами близ берега и застывает на воде.

Воины на берегу – такие же викинги – с оружием, но без доспехов выжидательно собираются в цепь.

С драккара смотрят напряженно, находя ладонями рукояти мечей и топоров.

Из-за драккара выходит небольшая лодка с четырьмя гребцами. На носу стоит Харальд – без шлема, щита и кольчуги, но опоясанный мечом. Лодка врезается в берег.

Рослый, роскошно облаченный ярл, также с одним мечом, делает из цепи два шага навстречу Харальду, спрыгнувшему на песок.

– Я Харальд, сын Сигурда, – останавливается перед ярлом.

– Я Рогер, сын Танкреда, – лицо ярла яснее. – Это тебя мавры называют Жестоким?

– Те, кто встречались со мной, уже никак меня не называют.

Они заключают рукопожатие.

Харальд выше и шире в плечах рослого крепкого Рогера.

36. Закат над морем. Харальд и Рогер на драккаре Рогера играют в кости на бочонке (драккар Харальда плывет рядом). Большие костяные кубики с черными точками бросаются из кожаного стаканчика. Рогер выбрасывает четыре и пять, удовлетворенно кивает и протягивает стаканчик Харальду.

– Зачем эта игра? – спрашивает тот.

– Если у меня окажется больше – ты сделаешь так, как хочу я.

– А как хочешь ты?

– Чтобы ты пошел со мной завоевывать Сицилию.

– А если больше окажется у меня?

– Тогда я сделаю так, как хочешь ты.

– Тогда выигрывать буду я, – заявляет Харальд.

Он вытряхивает кости из стаканчика на ладонь и пальцами ставит на бочонок две шестерки.

– Ты пойдешь со мной завоевывать Сицилию, – серьезно говорит он Рогеру.

Рогер хохочет и бьет его по спине.

– Глупая игра, – говорит Харальд. – Зачем играть, если все равно надо побеждать?

Ночь опускается на море.

37. Ясное утро. Флот викингов пристает к Сицилии.

Вооруженные толпы бегут от кораблей и бросаются на штурм крепостных стен.

Стрелами и копьями сбивают со стен защитников-сарацин.

Бегом тащат с кораблей штурмовые лестницы, приставляют к стенам и лезут.

Бросают зацепляющиеся за края стен стальные кошки на веревках и лезут вверх.

С разбега от кораблей бьют группы привезенными бревнами-таранами в ворота и постепенно расшибают их.

Схватки на стенах и в переходах крепости. Убитые падают с обеих сторон.

И вот падает с башни зеленый флаг с золотым полумесяцем и взвивается голубое полотнище с черной змеей.

38. На коврах и подушках в роскошном зале сидят за вином и фруктами Харальд и Рогер.

– Я герцог Сицилии, – говорит Рогер. Он хлопает в ладоши, и танцовщицы в прозрачных одеяниях танцуют перед ними под звон струн.

– Разве тебе плохо служить у меня? – продолжает разговор Рогер. – Разве у тебя мало почета? Или доля добычи не устраивает тебя?

На лице Харальда – след нескольких прошедших лет, это уже молодой мужчина в полной силе. Небольшой шрам не портит лицо воина.

Он отхлебывает вина, кусает разрезанный крест-накрест апельсин и бросает в сторону. Подходит собака, нюхает и отходит.

– Здесь нет больше настоящих дел, – говорит Харальд.

– Мой брат Роберт ждет меня со своими людьми, чтобы идти в Ломбардию, – возражает Рогер.

Харальд слегка кривит рот.

– Мы будем диктовать волю самому Папе в Риме, – искушает Рогер.

– Разве Папа – воин?.. – пренебрегает Харальд.

– Рим сказочно богат, он богаче всех городов!

– Корабли уже не вмещают мою добычу, – говорит Харальд.

– Я дам тебе новые! – хохочет Рогер.

– Я давно не был в Норвегии.

– Что ты там оставил?

– Дом, – скупно роняет Харальд.

– Для сильного и храброго везде дом, если есть меч.

– Хочу кое-кого повидать.

– Ты уже забыл, что там видел?

– Теперь у меня есть мои люди и сокровища. И я уже не мальчик.

– Кнут правит в Англии, и в Дании, и в Норвегии, и на морях. Он сильнее тебя. Он великий конунг.

– Что ж. И я буду великим конунгом.

– Ты знаешь правду. Не раньше, чем он умрет.

– Я пройду с севера, – говорит Харальд. – Через Гардарики. Через земли русов. Ярицлейв – зять конунга Швеции, ему не за что любить Кнута.

Рогер вскидывается, глаза его загораются:

– Мы завоюем всю Италию – а потом вместе с Робертом и Ярицлейвом пойдем на Константинополь! – убеждает он. – Столица греков еще богаче Рима, мы наполним корабли одним золотом!

– Здесь правишь ты, – говорит Харальд. – Дома буду править я.

39. Беломраморная набережная и черный драккар с готовящимися отплыть викингами. На причале Рогер снимает с себя алый бархатный плащ, накидывает на Харальда и застегивает золотые застёжки.

– Удачи тебе, Харальд.

– Удачи тебе, Рогер.

Черный ворон вновь победно реет на зеленом флаге на мачте.

Змея

40. За кормой на морском горизонте показываются несколько точек. Они растут и превращаются в узкие раскрашенные корабли под треугольным парусом. Их четыре.

– Мавры.

– Мы не справимся с четырьмя, – мрачно говорит один.

– На земле мы бы перерезали их, как свиней.

– Держим к острову! – кормчий указывает на темнеющий вдали островок.

В помощь парусу изо всех сил наваливаются на весла.

41. Плывут вдоль скалистого берега.

– Здесь негде укрыться, – говорит один, бросает грести и надевает кольчугу, готовясь к битве.

– Грести! – приказывает Харальд.

И открывается проход в бухту.

42. Драккар на всех веслах влетает в бухту. Врезается в береговую гальку. Викинги разом прыгают по колено в воду, споро выволакивают корабль на берег – и с оружием компактной массой выстраиваются наготове на удобной голой площадке среди скал.

В горло бухты влетает сарацинский корабль, замедляет

ход и останавливается, спустив парус. Следом – второй и встает рядом. В горле за ними встает третий.

Мусульмане на палубах медлят в замешательстве. Схватка на суше не сулит им ничего хорошего.

Осыпают викингов стрелами, но те сжимаются и приседают за своими большими круглыми щитами, превращающимися в ежей.

43. – Зачем напрасная кровь, – пожимает наконец плечами предводитель мавров на корме передового корабля: блестящий нагрудник, шелковые шаровары, красные сапожки с загнутыми носками, узкая кривая сабля за кушаком осыпана по рукояти самоцветами. – Аллах сам отдает их нам в руки – подставим же руки и подождем немного.

Делает жест гребцам.

44. Мавританские корабли пятятся на веслах вон из бухты. Викинги торжествующе кричат и делают оскорбительные жесты.

45. В тени пестрых тентов отдыхают на палубах мавры, поглядывая на выход из бухты и сторожа его со стороны моря.

– Когда у них кончится вода, – говорит бей, осушая чашу, – они сами выйдут к нам в руки.

И вытирает пот: жара... штиль... слепящее солнце.

46. На этой жаре, на камнях, измученные жаждой викинги делят по капле остатки воды из последнего бочонка.

– Придется выходить и драться, – говорит седой викинг.

– Жаль богатой добычи... – вздыхает другой.

– Спрятать на острове?.. – третий окидывает взглядом груды добра на корабле.

– Если мы выйдем отсюда, то не вернемся. – Лениво и медленно течет разговор обреченных.

– Утопить, чтоб не досталась этим собакам.

И все с надеждой смотрят на Харальда. Он задумчиво катает в ладонях маленькую отполированную палочку – свой амулет, старый белый жребий.

– Поймите мне змею, – говорит Харальд.

– Что ты сказал? – переспрашивают удивленно.

– Ты слышал, – отвечает он.

47. Наверху, на поросших мелким лесом и кустах скалах, двое опасно ловят обнаруженную змею. Змея шипит. Один осторожно прижимает ее палкой.

48. – Разведите костер, – приказывает Харальд.

Беспрекословно собирают наверху ветки.

Пылает костерок на берегу.

Один из викингов держит змею: голова торчит из бронированного кулака боевой перчатки, хвост извивается.

– Привяжите змею за хвост, – новый приказ.

Отрезают тонкий длинный золотой витой шнур от какого-то роскошного одеяния в добыче – и, крепко перетягивая, привязывают близ кончика хвоста змеи.

– Положите змею у костра.

Кладут, придерживая за шнур. Змея пытается уползти.

– Но не так близко, чтобы змея не зажарилась.

Отпускают ее на чуть более «длинный поводок».

Костер горит, змея пытается уползти. Викинг, который придерживает ее за шнурок, утирает потоки пота:

– Если она не зажарится, то зажарюсь я... – бурчит он.

Через некоторое время, взглянув на снижающееся солнце, Харальд приказывает:

– Теперь пусть ползет. А ты держи.

49. Намотав конец шнурка на палец, викинг идет за змеей, стремительно извивающейся меж камней. Харальд с несколькими идет за ним – остальные сторожат берег.

Змея забирается выше по каменистому склону, там курстарник, расщелина во впадине, и змея юркает под камень.

– Копайте здесь, – говорит Харальд.

И двое начинают копать каменистую почву мечами.

Через некоторое время в ямке показывается вода.

На змею перестали обращать внимание, и она окончательно скрывается – золотой шнурок втягивается меж камней и исчезает.

50. Со дна маленького колодца викинги достают кожаным ведерком воду и жадно, счастливо пьют.

51. Вечереет. Харальд идет по редкому невысокому лесочку, что растет поверху меж скал острова, и за ним – двое с топорами. Он указывает на некоторые деревья – они делают на стволах широкие белеющие затесы.

52. Ночь. Большой костер на берегу. Его поддерживают

двое – они кидают ветви в огонь и производят много шума, перекрикиваясь и стуча посудой.

53. На сарацинском корабле бей раздраженно говорит приближенным:

– Эти северные собаки, кажется, решили устроить себе поминальный пир.

– На котором пьют собственную мочу, – угодливо шутит приближенный, и все хохочут.

– На рассвете надо следить внимательнее, – говорит бей.

– И тогда они будут пить собственную кровь, – продолжает шутить угодливый под еще более громкий хохот.

54. В темноте викинги рубят деревья. Очищают стволы от веток и разделяют стволы на короткие бревнышки. Некоторые бревна, потолще, заостряют с одной стороны, как колья. Несколько длинных нетолстых бревен складывают отдельно.

На тупых торцах кольев прорубают глубокие желобки – и крепко обвязывают эти концы как бы венчиками из прутьев, так что с тупого конца кола образуется своего рода поперечное отверстие.

55. Новый день. С сарацинского корабля наблюдают через горло бухты за викингами на берегу. Те валяются на камнях в позах бессилия. Один трясет над раскрытым ртом пустую чашу, откидывает ее и опускается на камни.

– Они хотят подохнуть там, – говорит бей. – Что ж, нам меньше хлопот.

56. Ночь, и костер в ночи.

Драккар поодаль от костра не виден. Перед ним – рядок деревянных катков, как шпалы.

Викинги снимают канаты, которыми крепится мачта, и вяжут их за высокий форштевень – два длинных каната тянутся вперед. Передние концы канатов крепят в отверстия двух колец, вертикально вбитых впереди, по обеим сторонам дорожки из катков. В те же отверстия всовывают длинные бревнышки – рычаги этих ворот. Наваливаются и начинают вращать. Корабль идет по каткам – его волокут по суше.

Всю ночь продолжается волок через остров. Катки, по которым корабль уже прокатился, переносят и кладут спереди. Вертикально стоящие кольца, когда корабль подтянут вплотную, перемещают вперед, в заранее заготовленные ямки, закрепляют камнями, придерживают при работе. Канаты разматывают – тащат вперед – и опять наваливаются, вращая ворота.

Корабль втаскивается на кручу! По ровному месту наверху его волокут уже без канатов, навалясь с бортов, споро подставляя катки сзади наперед.

Спуск. Канаты уже привязаны сзади, за также высокий ахтерштевень – и викинги упираются ногами позади корабля, тормозя его движение по каткам вниз.

57. И вот корабль уже болтается на воде – с другой стороны острова.

Еле-еле начинает светать на горизонте.

Викинги в драккаре наваливаются на весла.

Небо сереет.

– Утренний ветер, – ловит щекой движение воздуха один.

Ставят парус – и начинает тихо бурлить вода под форштевнем.

58. Рассвет. Край солнца.

Спят мавры на кораблях.

Один поднимает голову – и замечает вдали у горизонта еле различимый парус. Бьет солнечный луч – парус вспыхивает красным.

Мавр кричит, вскакивает, указывает рукой.

Из шатра на корме выскакивает заспанный бей, видит ускользнувшего врага – и в бешенстве рвет висящие на поясе четки.

Византия

59. Ярким днем драккар входит в большую гавань Константинополя. Множество разнообразных кораблей в порту. Высокие стены и башни, роскошь огромного города, разноязыкие толпы.

60. Викинги проходят через толчею, дивясь базарной пестроте.

61. Шумно пируют в портовой таверне. Жуликоватый хозяин, косясь на рослых светлых северян, что-то шепчет подручному, и тот исчезает.

62. А подходит этот слуга в толпе к разодетому чиновнику, важно гуляющему во главе вооруженного караула, и что-то втолковывает, указывая рукой. Чиновник высокомерно кивает. Слуга скромно протягивает руку – в эту руку кладется пара серебряных монет.

63. Войдя во главе стражи в таверну, чиновник оценивает викингов, не обращающих на него внимания. Подходит сзади к скамье, на которой они сидят за столом, и щупает бицепс ближайшего. Тот, не оборачиваясь, двигает рукой – чиновник отлетает на руки страже.

Стража обнажает оружие. Крайний викинг встает и свободной скамьей сбивает с ног всех одним мощным взмахом, как кегли. Остальные викинги продолжают пировать, не обращая внимания на эту мелочь.

Подбежавший хозяин раболепно помогает встать чиновнику. Тот развязывает кошелек, дает ему несколько золотых монет и одобрительно кивает.

И вот уже перед вставшими лицом к противнику викингами теснится набившаяся толпа стражи. Чиновник выступает вперед, потирает ушибленную поясницу и выпрямляется:

– Я приглашаю тебя и твоих людей на службу к великому императору Михаилу, – с ответственным видом говорит он Харальду. – Императору нужны такие сильные и храбрые воины.

Один из викингов, лохматый и пьяный, громко икает, хватается за стол и при поддержке пары товарищей, не обнажая ору-

зия, выдавливает из таверны в дверь падающую стражу, как кучу песка ножом бульдозера, этим столом.

Успевший отойти в сторону чиновник заливисто смеется и хлопает от удовольствия в ладоши.

– Это главный вербовщик императорских войск, – в ужасе сообщает хозяин.

– Такие воины заслуживают двойной платы и двойной доли добычи, – объявляет чиновник.

– А велика ли добыча? – интересуется седой викинг.

– У императора много врагов, – соблазняет чиновник.

64. В мощеном квадратном внутреннем дворе казарм викинги – свежие и веселые – упражняются во владении оружием. Уклоняются от копий, мечут в доски топоры, парируют удары; звенит железо.

65. Сверху, из дворцового окна за ними следит император с несколькими приближенными. Смуглый бородач с мрачными глазами ревниво перехватывает взгляд зрелой красавицы, прикованный к Харальду внизу. Взгляд плотояден. У красавицы холеное, капризное, властное лицо.

– Этот северный медведь забавен, – говорит она. И делает незаметный жест служанке. Служанка понимающе опускает веки.

– Да будет воля императора, – говорит мрачный бородач, – но я не доверяю бродягам и грабителям. На них нельзя полагаться.

– Полагаться мы должны только на вас, – насмешливо го-

ворит зрелая красавица – сестра императора Зоя.

– Они нужны, чтобы ставить в самые опасные места, – говорит император. – Пусть умирают, убивая наших врагов.

Мрачный бородач, главнокомандующий императора Георгий Маниак, кланяется злорадно.

66. Снизу Харальд, взглянув наверх, своим дальновзорким взглядом на миг встречается с глазами Зои. Подкидывает в руке тяжелый метательный нож, кидает – нож пробивает толстую доску, войдя по рукоять.

67. К Харальду подходит императорский слуга – и протягивает кинжал:

– Император делает тебе подарок и желает успеха в походе.

Харальд берет золотую рукоять, вытягивает из ножен клинок с чеканкой, задумчиво смотрит на окно с императорской компанией и сдержанно, с достоинством равного кланяется.

Иерусалим

68. Византийские боевые корабли у знойного песчаного берега, и черный драккар викингов среди них.

Палатки на берегу, и в центре – роскошный шатер главнокомандующего Георгия Маниака.

Мелкая суэта лагерного быта: солдаты, оружие, котлы.

69. Военный совет в шатре Маниака: ковер, подушки, карта, полдюжины командиров.

– Пока их войско не подошло, мы возьмем Яффу, – указывает по карте Маниак.

– Зачем рубить пальцы, если можно ударить в сердце, – пожимает плечами Харальд.

– Чем тебе не нравится наш план? О чем ты, говори прямо, Харальд!

– Надо брать Иерусалим. Там много золота и мало бойцов.

– Во-первых, мы не возьмем эти стены.

– Стены не могут защищать себя сами.

– Во-вторых, если нас там осадят, мы не дождемся помощи.

– Помощь понадобится султану, а не нам, – презрительно говорит Харальд.

– Что ты понимаешь в осаде городов! – взрывается Маниак. – В твоей стране их нет!

– Поэтому мы берем их в других странах.

– Ты подчиняешься мне!

– Я не подчиняюсь глупостям, – презрительно говорит Харальд и выходит.

70. Ночь. Харальд спит в своей палатке.

Крадучись несколько темных фигур пробираются в нее. Отблеск луны на лезвии короткого меча.

Снаружи видно, как возится короткая схватка в палатке, слышны стоны и вскрик.

71. Утро. Все войско собралось полукругом перед шатром Маниака. На полукруге свободного пространства перед ша-

гром – пять трупов на песке. Над ними стоит вооруженный Харальд.

– Выходи, – трубно говорит Харальд. – И ответь, зачем ты прислал их убить меня.

Гул по войску. Когорта викингов стоит плечом к плечу за спиной Харальда.

Маниак показывается из-за завесы входа, принимает властную позу: он в блестящем нагрудном доспехе, золотая цепь на шее, сафьяновые сапоги, на поясе короткий меч, ножны усыпаны камнями.

– Мне неизвестно, каковы твои знакомства с убийцами и грабителями, – оскорбительно говорит он. – А среди моих людей, – обводит широким жестом, – убийц нет.

Гул по войску. Обстановка накаляется.

– Кто их убил? – спрашивает Маниак ко всем.

– Этих собак убил я, – отвечает Харальд.

– Почему?

– Почему?! Потому что они вошли ночью, чтобы убить меня спящего!

Гул по войску. Ропот среди викингов.

– Это ложь! – возвышает голос Маниак. – Зачем им было это делать?

– Затем, что это мог приказать только ты.

– Зачем мне приказывать убить тебя, Харальд?

– Мы взяли восемь городов, и восемь раз ты посылал на стены моих людей первыми – там, где стены были неприступ-

ны. Но мы брали их! Вчера мне надоело слушать твои глупости. За это ты послал их убить меня!

– Бог помутил твой разум. Но здесь война, и ты ответишь за убийство по закону войны. Взять его!

Движение в войске. Викинги мгновенно выхватывают оружие и выстраиваются в ошестившееся каре – Харальд оказывается в середине одной из шеренг.

– Пусть наши боги – твой и мой – решат, кто лжет и чей разум помутился. – Харальд обнажает меч и делает им жест к Маниаку. – Вызываю тебя на честный поединок.

Замешательство в войске. Вызов по правилам, и положение вызывающего позволяет ему поединок с командующим. Но исход не вызывает сомнений.

– Это бунт! – кричит Маниак, переламывая ситуацию. – Лучники!

Лучники проталкиваются вперед, выдергивая стрелы из колчанов и накладывая их на тетивы.

Харальд мгновенно выхватывает нож (перехватив меч левой) и резко взмахивает рукой. Со стуком нож пробивает сияющий нагрудник Маниака и входит по рукоять – это золоченая рукоять дареного императором кинжала. Колени Маниака подламываются, рот открывается, он падает.

Миг общего остолбенения.

– Слушать и стоять! – вскидывает ладонь Харальд. – Боги послали на нас горе. Наш вождь умер от лихорадки! Оплачем его – и будем по-прежнему верны императору и его при-

казам! – Жест к телу: – Похоронить с почестями! Готовить костер! Всем – вина на тризну!

Все переваривают услышанное. И подчиняются растерянно и покорно, косясь на разъяренных викингов, молча готовых убивать. Лучники убирают стрелы. Труп покрывают.

72. Через пустыню тянется походная колонна. Споро и неутомимо шагают викинги во главе ее – и черный ворон на зеленом стяге вьется над ней.

73. По дороге, поднимающейся вверх меж пологих гор, поросших выжженным бурьяном, продолжает движение войско.

74. Стены Иерусалима, и войско под стенами.

Батарея катапульт, и византийские «осадные специалисты» стреляют через стены глиняными горшками с горячей нефтяной смесью.

Подкатывают напротив ворот бронзовую трубу на колесном лафете, слегка напоминающую пушку (которых еще не существует). Воины прикрывают щитами расчет этой установки от стрел, летящих со стен. Струя жидкого огня вылетает из жерла трубы, липнет к деревянным воротам, они горят неудержимо.

Липкий белый «греческий огонь» горит на стенах, дым заволакивает зубцы стен.

Черные дымы за стенами в городе.

На вершине надвратной башни в дыму поет медная труба – и показывается белый флаг.

75. Медленно распахиваются и падают с петель обугленные обломки прогоревших ворот.

Мавр со склоненным белым флагом выходит из них.

Поодаль на холмике ждет надменный Харальд со свитой.

Процессия из ворот движется к нему. Впереди – бей в шелке: на алой подушке он несет ключи от города. Склонившись, вручает победителю.

76. Большие весы на этом холме: Иерусалим платит дань. Груда камней на одной чаше – на другую сыплют мавры золотые монеты. Чаша с данью все еще наверху – досыпают украшения, цепи, браслеты. Когда чаша опускается и уравнивается каменными гирями – наблюдающий за этим Харальд вынимает из ножен меч, его острием отдавливает чашу с гирями обратно книзу.

– Но мы не договаривались так, господин, – осторожно замечает бей.

– Ты договаривался с моим мечом, – отвечает Харальд и кидает меч на чашу с грузами, она опускается. Досыпают золота до равновесия.

Ссыпают золото в сундуки, приготовленные рядом.

– Это только половина, – говорит Харальд.

Носилки и сундуки принесших дань мавров пусты.

– Ты хочешь, чтобы я сам прошел по городу? – спрашивает Харальд. – Но знай, моим воинам не нужны пленные. Слабый отдает сильному все, таков закон.

– Но что же останется нам? – в отчаянии спрашивает бей.

– Жизнь, – отвечает Харальд.

Он достает из опустевшей чаши весов последнюю золотую монету, случайно прилипшую к чему-то на дне, и перед глазами бея сгибает ее двумя пальцами пополам – глаза того расширяются. Харальд кидает ему смятую монету:

– Это я оставляю тебе. На память о нашей встрече.

77. Караван ослов и верблюдов с узлами дани уходит по дороге от города, и колонна войск начинает тянуться за ним.

У новых, светлых, свежих ворот, окованных еще блестящими железными полосами (обгорелые обломки прежних еще валяются рядом), Харальд прощается с беем.

– Если я вернусь, ты знаешь, что делать, чтобы не чинить ворота, – говорит Харальд. Снимает с руки свой круглый деревянный щит и прикладывает к створке выше уровня роста. Один из стоящих рядом викингов подает ему большой кованый четырехгранный гвоздь, другой – боевой топор. Обухом топора Харальд прибивает щит к воротам Иерусалима.

78. Их корабли уже готовятся отплыть, когда по гребню холмов вырастает неблизкий частокол копий:

подоспело войско султана. Всадники показываются на фоне неба и устремляются к берегу – где уже ширится полоска воды за уходящим флотом Византии.

– На его месте я бы не стал торопить нашу встречу, – недобро усмехается Харальд.

Гребцы наваливаются на весла.

Бессильная стрела шлепается в воду, не долетев до кораб-

ля.

Переворот

79. – Мы скорбим о смерти нашего верного слуги, великого полководца Георгия Маниака, – говорит император Михаил (это молодой еще хиловатый человек с дегенеративными чертами).

Это торжественный прием во дворце. Харальд стоит у подножия трона.

Слуги вносят сундуки с сокровищами, привезенными из похода, и откидывают крышки. Жадные взгляды присутствующих.

– Это все? – интересуется император.

– Это лишь половина, – гордо говорит Харальд.

– Где же вторая половина?

– Вторая половина по нашему договору принадлежит мне.

И моим людям.

Легкий шумок. Пауза. Недоброе выражение мелькает в глазах императора. Он находит среди придворных взглядом главного вербовщика. Тот испуганно втягивает голову в плечи и слегка разводит руками виновато.

– Большой воин стоит больших денег, – скупно вздыхает император. И дважды хлопает в ладоши.

Слуги вносят яства и питье и расставляют по коврам, разбрасывают подушки.

Начинается пир.

Императору подносят золотую чашу с вином.

– За победителя, взявшего у неверных Иерусалим! – возглашает он в сторону Харальда.

С ненавистью и завистью пьют за викинга придворные.

80. Танцуют танцовщицы, играют музыканты, шумит подвыпивший зал.

Огромными чашами пьют, огромными кусками едят викинги.

Слуга среди этой суеты ставит с поклоном чашу перед Харальдом:

– Император в знак милости послал тебе чашу своего вина.

Колеблются огни светильников, тени скачут по стенам.

Искося сквозь суету бросает император горящий взор на Харальда.

Вдруг тонкая белая рука ложится на широкое запястье Харальда. Это служанки Зои, той самой зрелой красавицы, старшей родственницы императора Михаила.

– Не пей этого вина, – шепчет она.

– Я не понимаю тебя, – удивляется Харальд.

– Когда пир кончится, жди в саду у задней калитки дворца.

Сквозь дым и гвалт Харальд ловит устремленный на него взор Зои. Она отпивает вина и поверх края чаши смотрит, и медленно облизывает губы кончиком розового языка.

– Я понимаю тебя, – усмехается Харальд.

За его спиной, под стенкой в тени, собака грызет кость. Обернувшись с чашей, он берет левой рукой собаку за загривок и окунает ее мордой в чашу с вином императора; держит. Давясь и вырываясь, собака глотает. Отпущенная, фыркает, трясет головой, облизывается и трет мокрую морду об лапы. Обиженно уходит вон из зала – вдоль стены, в тени за спинами пирующих.

81. Харальд спускается полутемной лестницей, пробирается темным коридором, выходит из дворца на воздух. Пробираясь вдоль стены к саду, чуть не спотыкается на лунной прогалине об лежащую собаку – ту самую, она различима. Отравленная собака чуть повизгивает и дергает лапами.

– Добрый император, – тихо усмехается Харальд и проверяет меч в ножнах.

Из темноты возникает служанка в темной накидке, берет его за руку, подносит палец к губам и ведет в калитку.

82. Покои Зои. Харальд входит.

– Я очень боялась, что ты не вернешься, – говорит Зоя.

Двигается навстречу и откровенно смотрит ему в глаза, встав вплотную.

– Я ждала тебя, – говорит она.

Скидывает тяжелый роскошный халат, падающий с плеч на ковер, и остается в прозрачном газе, не скрывающем наготу.

– И продолжаю ждать, – говорит она тихо и страстно.

83. Ночь в постели. Огромная кровать, шелковые смятые простыни, раздвинутый альков, колеблющийся полусвет ночников. Зоя смугла и тяжела красотой зрелой матроны – Харальд белокож, огромен, мощен и мускулист. Он силен и неутомим – она изошрена и ненасытна.

Откидываются на подушках в поту и изнеможении. Она отпивает из чаши и протягивает ему – он осушает и отбрасывает. Она вновь садится на него наездницей.

– Ты не переживешь этой ночи, – задыхаясь в убыстряющемся качании скачки говорит она.

– Ты убьешь меня любовью? – сжимая ее и напирая снизу, спрашивает он.

Она вскрикивает в судороге и лепечет:

– Он убьет тебя ненавистью. Сегодня... Поэтому я не могла больше ждать...

Он отбрасывает ее и садится на постели:

– Ты мне нравишься. Я проживу эту ночь и еще другие. – Вытягивает из-под из головных подушек обнаженный меч. – Пусть приходят.

– Ты не знаешь Византию. Это будет яд. Или стрела в спину. Или нож за углом коридора. Или упавший со стены камень. Или болезнь. Или несчастная случайность в казарме. Ты не должен был вернуться из похода. Маниак должен был убить тебя. Императору рассказали, как ты убил его, он все знает.

– Зачем Михаилу убивать меня?

– Он жаден до добычи. Он боится сильных и завидует им – сильного могут переманить враги. И он знает, что ты нравишься мне. Запомни: возвышают только тех, кто не опасен. А когда они становятся опасны – их убивают.

Харальд морщит лоб и напряженно думает.

– Убей его, – негромко и прямо говорит наконец Зоя. – У нас нет другого выхода. Он не верит никому, и мне тоже...

Харальд откидывается на постели и смотрит в потолок – нагой гигант с мечом в руке...

– Тогда я стану императрицей, – говорит Зоя. – И ты будешь первым во дворце и в войске. И ночей будет много.

Она отпирает ларец, достает крупный перстень – огромный рубин в окружении изумрудов – и надевает ему на палец.

– Это перстень моего отца, – поясняет она...

Возникает из тени входа та служанка, по службе не замечая их наготу:

– Я привела его людей, как ты приказала, госпожа.

84. Харальд во главе десятка вооруженных викингов тихо, быстро и решительно идет по длинным полутемным коридорам, редко освещенным коптящими факелами на каменных стенах. Семенящая впереди служанка указывает путь.

Редкие стражники снимаются бесшумно: из темноты вылетает нож в горло одному, руки из-за спины ломают шею другому...

Двое с алебардами у входа в спальню императора вскидываются было – и падают под ударами.

85. Входят в спальню. Император в ужасе забивается на край постели.

– Пришел поблагодарить тебя за вино, император, – говорит Харальд. И, после паузы, наблюдая за конвульсиями обреченного: – Но я не буду убивать тебя, как собаку. Как мужчине я дам умереть тебе. Дайте ему меч!

Император рефлекторно отталкивает рукоять протягиваемого ему меча. Потом берет, слезает на пол, встает в неловкую стойку – трясущийся, в ночном одеянии.

Харальд презрительно кидает свой меч в ножны. Легко отстраняется от неловкого выпада императора. Пинком в руку выбивает у него меч.

Берет большую золотую чашу с вином у изголовья постели.

– Оно тоже отравлено? – издевательски и гневно спрашивает он. – Выпей, император! – плещет издали длинной струей ему в лицо. – Ты хорошо отблагодарил меня за службу. Благодарю и я тебя за угощение!

С силой кидает чашу ему в голову. Император валится за-мертво.

86. Пышная византийская роскошь церковной службы в главном храме Константинополя. Низко гудит мужской хор. Тысячи свечей, сотни икон, золото алтаря, парчовое облачение священников.

Зоя коронуется на царство. Помазание мирром. Возложение тяжелой короны. Дымные струйки ладана из раскачива-

ющихся кадил.

У алтаря, в центре первого ряда придворных, возвышается на голову над всеми Харальд – поза его проникнута собственной значимостью: так может стоять первый человек в империи.

Гордый любовный взгляд бросает на него неподвижная Зоя из-под тяжелой короны.

Меч Империи

87. На флагманском корабле византийского флота, на застланной коврами корме, во главе свиты, стоит в роскошных доспехах Харальд.

Под мерный ритм барабана пашут огромными веслами гребцы.

С оружием стоят вдоль неширокой палубы верные викинги.

С обоих бортов и следом идет с Харальдом византийский флот.

Тяжелый златотканый византийский стяг на мачте флагманского корабля – а над ним, выше, на самой верхушке, реет как вымпел командующего все тот же флаг: черный ворон простер крылья на зеленом поле.

Солнце просвечивает сквозь зеленый флаг, закрывший весь мир, и сквозь реющего ворона, сквозь прозрачную зелень, возникают беззвучные картины:

каре викингов врубаются в толпу воинов в тюрбанах и с кривыми саблями – они валятся и обращаются в бегство...

толпа воинов, маша мечами и секирами, взбирается на крепостные стены...

походная войсковая колонна тянется тяжело и победно сквозь разоренный, горящий край...

крепости на далеких друг от друга холмах у горизонта, и дымы пожаров над этими крепостями...

на белом коне, во главе войска, проезжает Харальд мимо златоглавой мечети...

и растет гора кривых сабель и ятаганов, бросаемых прогоняемыми мимо пленными маврами...

88. А сейчас ровным тройным строем – прямой тройной шеренгой – движется навстречу флот султана. Десятки кораблей в нем, а в центре, меж простертых крыльев строя – командная группировка, ударный кулак, плотно подпирающий сзади середину своего строя.

Двойной дугой выгнулся ему навстречу строй византийского флота.

Сближаются флоты.

Сошлись.

Выгнутый вперед византийский центр соприкоснулся с мощным кулаком в центре ровного султанского строя – и они плотно сошлись в схватке.

Летят стрелы над водой. Швыряют камни корабельные катапульты. Прыгают на вражеские палубы отдельные воины,

врубаясь в обороняющихся. Зажигательные факелы перелетают меж кораблей, поджигая смоленные снасти и холст парусов.

89. – Назад! – кричит Харальд в дыму и лязге боя.

90. – Они отходят! – торжествующе кричит подручный султанского флотоводца. – Мы смяли этих глупых собак!

– Вперед! – командует флотоводец. – Усилить центр! Сейчас мы разрежем их строй и перетопим, как щенков!

91. Дуга византийского флота начинает от центра вмигаться назад под сарацинским напором. Выгнутый в начале сражения, как лук, теперь строй прогибается в обратную сторону, назад.

Мавры победно напирают в центре.

Но фланги византийцев стоят на месте – и сарацинский флот постепенно втягивается в образующийся мешок.

92. На одном из сарацинских кораблей смотрит из-под ладони бей – тот самый, что когда-то с четырьмя кораблями гнал Харальда и упустил его с острова.

– Что там на флаге их большой галеры? – спрашивает он.

Молодой матрос вглядывается с верхушки мачты:

– Там их командующий, – кричит он.

– Я спросил, что на флаге? – раздраженно повторяет бей.

– Он зеленый!

– Я сам вижу, что зеленый, дурак! Но ведь это не знамя ислама?

– На нем черный ворон!

После паузы – корабль движется вперед – бей задумчиво командует:

– Остановите.

Вопросительные взгляды свиты.

– У нас пробоина. Мы начинаем тонуть.

Замешательство в свите.

Другие корабли обходят их; они оказываются позади строя.

– Нас всех посадят на кол, великолепный, – нерешительно, титулуя начальство, кланяется один.

– Посадят, но не те, кто ты думаешь, – вздыхает бей.

– Но мы побеждаем! И нам нельзя выйти из боя, султан видит нас!

– Аллах видит нас, глупец... И он дал нам возможность спастись... но вы не поняли... и не захотели.

Бей обреченно машет рукой – и гребцы наваливаются, корабль догоняет строй.

93. Фланги Харальда охватывают строй противника и начинают смыкаться в его тылу.

Двойной строй византийского флота превращается в плотный одинарный – сплошной линией их корабли вплотную облипают противника и начинают теснить со всех сторон, сгоняя в кучу, как стадо овец.

Схватки кипят на сталкивающихся вплотную кораблях.

Но большая часть султанского флота оказывается в середине огромной кучи кораблей – лишенная возможности

соприкоснуться с противником. Численное превосходство пропадает впустую. Харальд устроил классические Канны флоту султана.

94. Зажигательные стрелы летят в гущу султанских кораблей. Огонь перекидывается ветром с паруса на парус, с борта на борт, флот пылает.

С хрустом протираются византийские корабли вдоль борта противника, ломая ему весла. Лишенные возможности двигаться, поврежденные крайние по кольцу корабли не дают пройти в бой тем, что стоят и загораются в центре.

95. – Неудачный бой, – говорит седой викинг Харальду.

Византиец из свиты, восхищенно наблюдающий разгром врага, оборачивается изумленно.

– Не будет добычи, – скупое объясняет викинг.

– Вылавливайте пленных, – решает Харальд. – За богатых дадут выкуп.

– А за бедных? У нас не хватит места на всех.

Море кишит людьми – и вода до горизонта.

– Пусть плывут домой, – пожимает плечами Харальд.

Награда

96. Порт Константинополя. Пришедший из похода флот у стенки. Воины выносят всю захваченную в походе добычу с кораблей – тюки, свертки, ящики, сундуки и ларцы. Сливаясь в единую вереницу, они проходят мимо Харальда. И

он, мельком оценивая поклажу, распределяет их жёстами – налево или направо.

Налево – имперский казначей с помощниками и охранниками переписывает привезенное. Куча растёт. Грузчики под конвоем воинов уносят добро в казну.

Направо – группа викингов охраняет такую же растущую кучу: это доля Харальда и его людей. И грузчики волокут их добро в помещение внутри казарм.

Всех знатных пленников Харальд направляет в сторону казны. И только одного делает знак остановить – это тот самый неудачливый бей.

– Кажется, я тебя уже видел, – говорит Харальд пронизательно.

– Аллах награждает удачей достойнейшего, – льстиво кланяется бей.

– Отпустите его, – делает жест Харальд.

– Спасибо твоему великодушию, – справляется с новостью растерянный бей. – Но что я буду делать здесь... один?.. – растерянно разводит руками, озирается на сплошных врагов кругом.

Харальд швыряет ему несколько монет:

– Это тебе на дорогу домой. Скажи султану, что на его месте я бы не искал больше встречи. И ты – не встречайся больше со мной.

Бей с поклонами пятится в сторону торговых кораблей с краю гавани.

– Зачем ты отпустил его без выкупа? – недовольно спрашивает один из викингов.

– Чтобы султан лучше знал, кто из нас сильнее. И боялся больше. Это хороший выкуп, – отвечает Харальд.

97. Харальд и Зоя в алькове. Изошренная византийская страсть кипит, извивается, колышется и стонет.

Раскидываясь, тяжело дыша, с неизъяснимым выражением вглядываясь в его лицо, Зоя говорит:

– Как ты силен, викинг...

Он слегка усмехается победительно.

– И как ты теперь богат, мой командующий...

Он слегка усмехается владетельно.

– И сколько женщин должно искать твоей любви...

И он слегка усмехается пренебрежительно.

– И как близка императорская корона, да, Харальд?

Он смотрит ей в глаза, непонимающе подняв бровь.

– И сама императрица стонет под твоим сильным телом...

и одним движением ты можешь сломать ей шею... не правда ли, мой воин?

Принимая игру, он кладет пальцы ей на горло, чуть сжимает на секунду, опускает руку на тяжелую смуглую грудь, на гладкий живот, ниже...

– Что же ты не раздавишь меня?.. – лепечет она и затягивает его на себя.

98. Рассвет сереет в узких стрельчатых окнах спальни, и жаворонок заводит свою песню там, в предутренней прохла-

де.

– Ты не такая женщина, как все, – говорит одетый Харальд от двери, – я и не всегда понимаю тебя.

Уходит.

– Зато ты такой же мужчина, как все, – произносит в пространство Зоя, – и я понимаю тебя.

Она ударяет в маленький бронзовый гонг у изголовья. И входит тут же начальник дворцовой стражи. Она продолжает лежать, не прикрывая наготы – тяжелая, красивая и зловещая, как богиня плотской любви и смерти одновременно.

– В башню его, – приказывает она. И он с поклоном исчезает.

– Ты вознесся слишком высоко, мой Харальд, – со вздохом произносит она. – А женщине нельзя рисковать.

99. В предрассветной тьме Харальд выходит из знакомой задней потайной калитки дворца в сад. Брошенная сзади петля затягивается на его шее. Поджидавшая здесь стража разом набрасывается на него, по нескольку на руки и ноги, валят массой. Он еще ворочается под этой грудой тел, хрипит, ему почти удается встать, как облепленному мартышками медведю; его бьют рукоятью меча по затылку, еще... петля затягивается натуго...

Побег

100. Харальд в каменной камере на верху башни. Это низ-

кая сводчатая ниша-карман на некотором возвышении, отделенная от основной части помещения толстенной, чуть не в руку, железной решеткой. В ней даже невозможно распрямиться в рост – Харальд сидит, и руки его в кандалах.

В стене ниши – узкая вертикальная щель-бойница, и в нее видно: внизу плотники сколачивают плаху. Стучат молотки, прилаживаются на место брусья и доски.

Харальд пробует раздвинуть толстенные прутья решетки, руки его дрожат, жилы на лбу вздуваются: решетка не поддается.

Тогда он пытается расшатать и вытащить камень кладки сбоку бойницы, чтобы расширить это отверстие. Рычит от напряжения, мышцы вздуваются... Какое там – каменная стена прочна...

101. Вечер, и плаха готова. Палач пробует шагами прочность помоста, примеряется к высоте чурбака с выемкой сбоку для головы.

102. Ночь в камере. Харальд щерится, как загнанный зверь. Внимательно осматривает сводчатый низкий потолок своей ниши – он сложен из продольных каменных брусков. Верхний, центральный камень, так называемый «замковый» – выдается вниз, как порог, делящий свод пополам. Фактически это клин – на него давят с обеих сторон две дуги боковых камней, это арка: стесанные на клин камни теснятся, распирая боками друг друга и тем не давая полукруглой арке обрушиться.

Уяснив это, Харальд ложится на спину и упирается ногами в замковый камень. Из всех сил, с хриплым нутряным подстаныванием, толчками пытается расшатать, выдавить наверх замковый камень.

Мелкая каменная пыль начинает сыпаться из щелей. Камень начинает подаваться вверх. Оседает – и снова вверх.

Харальд встает на ноги, упирается в него загривком и руками, как атлант, напрягает бедра и спину, рычит.

Камень уходит вверх! Образуется щель в потолке, голова и руки Харальда проходят в нее. Но тогда начинают оседать освобожденные соседние камни, они стискивают Харальда сзади и спереди, как капкан. Он рычит, оседает под страшной тяжестью, камни оседают вместе с ним, сползают ниже, теснясь опускаются на пол.

С трудом раздвигая придавившие его каменные бруски, Харальд выпрямляется – хрипло дыша, ободранный в кровь.

В потолке зияет обрушенный пролом.

103. Он выбирается сквозь этот пролом на чердак башни. Крыша башни – круглая, конусообразная, деревянная. В центре можно выпрямиться в рост, а по краям, у стен, доски кровли опускаются до уровня колен.

Встав на четвереньки и упершись спиной, Харальд выдавливает кверху одну и вторую доски кровли. Снимает, втаскивает, исследует. Большими гвоздями крепились доски к стропилам.

Упирая острие гвоздей в камень пола, Харальд вытаски-

вает два больших гвоздя. Руками и о камень гнет их в зигзаг: верхний и нижний концы в разные стороны.

И с двумя такими крючьями в руках переваливается на животе, ногами вниз, через край башенной стены в проломе крыши.

Нижние загибы крючьев придерживаются под железными браслетами кандалов на его запястьях. А верхние он всовывает в щели между камнями кладки.

Пальцы ног ищут малейшую опору в неровностях каменной стены. А руки придерживают эти крючья – и попеременно он переставляет их ниже, ниже, из одного ряда швов каменной кладки в другой.

Очень медленно, осторожно, тяжело дыша, пот катится по лицу, по напряженным плечам, он спускается вниз по отвесной каменной стене. Легкими рывками пробует, крепко ли взялся крючок в очередной щели...

104. Достигает земли и падает. Уползает в куст. Лежит, бессильно дыша.

105. Крадучись, идет по дорожке.

Страж стоит на повороте дорожки. Цепь кандалов накидывается сзади ему на шею – и падает задушенный страж.

106. Два стража у запертой решетчатой двери в стене.

Подобравшись в темноте близко, Харальд бросает через их головы камень. На стук его падения они оборачиваются – и тут же, бросившись вперед, одного он бьет в голову концом древка копья, взятого у задушенного – и, не успеваает тот

свалиться, острие вонзает под лопатку второму.

Снимает с пояса одного ключи, отпирает дверь и исчезает за ней в ночи.

107. Бесшумно в темноте плотным строем спешат вооруженные викинги.

Тихий свист из куста. Они замирают, вглядываются. Харальд выходит им навстречу.

– Хорошо, что это вы, – негромко говорит он.

– Хорошо, что это ты, – скупко отвечает один.

– Мы шли забрать тебя, – объясняет другой.

– Так забирайте, я уже здесь, – говорит Харальд.

И во главе повернувших назад викингов продолжает движение.

– Корабль на месте? – спрашивает он.

– На воде.

– Надо перенести на него наши вещи.

– Уже на нем.

– И воду и пищу.

– Все на нем.

Он оглядывает на ходу людей:

– А кто же охраняет все?

– Люди Свейна. Они решили уйти с нами. Они больше не доверяют императрице.

– Это хорошо, – говорит Харальд.

108. В темном порту, у двух драккаров, их встречает предводитель сподвижников Свейн, коренастый, вислоусый, ве-

сельный.

– Ты здесь? Хорошо, – лаконично говорит он Харальду. – Можно отходить. Дел много. Надо еще взять хотя бы одну портовую башню из двух.

– Чтобы опустить цепь, закрывающую гавань? – уточняет Харальд.

– Да. Иначе не выйти.

– Грузите все на корабль Свейна, – командует Харальд. И пресекает замешательство непреклонным жестом: – Так надо. Торопитесь.

Груды добычи перетаскивают с драккара Харальда на второй – тот буквально оседает в воду.

– На весла! – командует Харальд своим и оборачивается к Свейну: – А ты подожди немного.

109. Харальд на корме. Викинги подгоняют свой драккар кормой вплотную к носу второго и крепко связывают их канатами – нос второго упирается в корму первого.

Харальд сам встает к рулевому веслу (он еще в кандалах):

– Пошли! – командует он. – Грести очень сильно!

Два драккара разгоняются по черной воде.

– Еще сильнее!

Летят сдвоенной стрелой.

С носа своего корабля Свейн предостерегает:

– Мы проломим твой корабль!

– Нет, – отвечает Харальд.

Драккары летят. Весла машут стремительно.

– По моей команде всем быстро бросать весла и бежать в корму!

– А потом? – спрашивают, запыхавшись, от весел.

– А потом по моей команде всем быстро прыгать в воду!

110. И вот уже эта связка из двух кораблей подлетает к огромной цепи, тянущейся на поверхности воды от одного края бухты до другого и преграждающей вход и выход из порта ночью.

– В корму! – командует Харальд.

Его пустой, легкий драккар высоко сидит на воде, осадка его сейчас мелка. Когда викинги бросаются скопом в корму, нос задирается, и драккар до половины въезжает на цепь днищем.

– Прыгать! – командует Харальд.

Викинги разом сыплются в воду, облегчается и корма, и задний, тяжелый, разогнанный двадцатью парами весел драккар переталкивает передний через цепь – а сам останавливается, врезавшись в цепь носом, от толчка викинги слетают со своих сундучков, на которых сидят за греблей.

– А теперь перегружаем все на передний, – командует Харальд, выбираясь из воды на свою корму.

Передают тюки и сундуки из рук в руки: перегружают все. Теперь оседает передний корабль.

Раскрепляют корабли и теперь связывают их длинным канатом – корму первого и нос второго.

Задний корабль отходит на всю длину каната. И разом на

обоих кораблях наваливаются на весла. Разгоняются.

И повторяют маневр: на заднем корабле бегут в корму, нос задирается, наезжает на цепь, прыгают с кормы в воду – и передний корабль, взбивая пену веслами, медленно и трудно перетягивает второй на свободную воду: тот въезжает на цепь выше, выше, нос задирается все больше, вот корабль замирает, балансирует – и переваливается на нос, соскальзывая с цепи вперед.

– А теперь принимайте свое добро, – говорит Харальд викингам в подошедшем к борту втором драккаре. – Мы не будем грести за вас. – И скупно улыбается своей шутке.

111. Утро, море, гребут викинги – утомленно.

Византийский флот – полтора десятка кораблей гонится за ними и медленно нагоняет. Расстояние сокращается.

Мрачно оценивает Харальд положение. И командует:

– Ломайте палубу!

Топорами отдирают доски с настилов носа и кормы.

Примерившись к куче добра в драккаре, Харальд (все еще в ручных кандалах с цепью, некогда было сбить в гонке) выбирает роскошный плащ и протягивает одному:

– Привяжи. – Кивает на доску.

Плащ привязывают к доске – и Харальд кидает ее за борт.

И вот уже на обоих кораблях часть добычи крепят к доскам и оставляют на воде. Эти поплавки быстро удаляются за кормой.

112. На кораблях погони вглядываются в эти плавающие

предметы. И, достигнув их – табанят веслами, тормозят ход и начинают вылавливать.

Один из моряков пытается спрятать выловленное под себя, получает удар в ухо от надсмотрщика, забирающего мокрую ткань. Тот несет ее командиру, украдкой отдирая и суя за пазуху узорное золотое шитье отделки.

Двое моряков, перегнувшись через борт, тянут друг у друга доску с мокрым тючком.

113. Командир другого корабля различает на доске в стороне саблю в красивых ножнах – и указывает изменить курс, вылавливать.

114. Остаются все дальше византийские корабли, сгрудившиеся в кучу и суесящиеся, как ловцы жемчуга при дележе добычи.

115. На облегченном, сбросившем половину груза драккаре рвут весла повеселевшие викинги – они отрываются от погони.

На деревянном бруске корпуса Харальду расклепывают кандалы. В щель заклепанного браслета вставляется лезвие топора, по его обуху постукивают обухом другого – медленно расходится металл, срезается заклепка.

116. С кораблей погони уже у горизонта видны беглецы – но еще доска болтается на пути. Блестит на ней нечто ценное.

Добычу вылавливают: это кандалы с цепью... Подают командиру, тот вздыхает задумчиво и зло – и кидает в воду.

117. Блеснув и булькнув, тонут в лазурной воде разбитые кандалы, и круги расходятся по воде вдаль...

Часть вторая

Конунг

У князя киевского

118. Под парусом и веслами движутся два драккара по широкой реке – Днепр. Зеленые берега, рощи на холмах, редкие деревушки: идиллический пейзаж Древней Руси. Кто-то пашет вдали, кто-то смотрит из-под руки.

119. Ладьи у низкой кромки берега, дощатые мостки ведут наверх по склону. Деревянные стены города, княжеский терем возвышается на холме. Одетый в холстину и кожу люд нечасто снует в порту. Киев.

Колокола звонят на деревянных колокольнях.

С несколькими викингами поднимается Харальд по мосткам, через ворота в деревянной стене входит в город. Узкие улочки, бревенчатые дома, торговые лавки, дощатые тротуары.

120. В просторных рубленых палатах Ярослав принимает Харальда. Подобающие гостям подарки кладут у ног князя люди Харальда и выходят.

– Так это тебя прозвали Жестоким, Харальд?

– Это тебя прозвали Мудрым, Ярицлейв? – в тон отвечает Харальд так, что можно усомниться в мудрости услышанного им вопроса.

Ярослав улыбается, как улыбаются свои, когда нет чужих: по-свойски и расслабленно:

– Так что тебе надо, Харальд? Я знаю, что ваши люди там, – взмах рукой вдаль, к северу, – называют меня Скупой. Они считают, что я мало плачу. А эта страна забирает много денег. Много земли – нужно много войска, много городов, а дороги здесь длинные.

– У конунга много забот, – вежливо прерывает Харальд, – а мне хватает своих. Могу я со своими людьми отдохнуть у тебя несколько дней?

– Ты мой гость. И ты мог отдохнуть в любом месте на моей земле, миром купив еду у крестьян.

– Люди императрицы преследуют меня. Их много.

– Я знаю. Ее конные гонцы уже были у меня.

– Что ты ответил?

Ярослав вздыхает:

– Садись, – приглашающий жест.

Им приносят вина и хлеба. Выпивают и заедают.

– Ты пил и ел со мной в моем доме, – начинает Ярослав, лицо Харальда гладко: выдать гостя, с которым делил трапезу – невозможно, это и так понятно, они оба скандинавы.

– ...но я все равно должен выдать тебя Византии, – заканчивает Ярослав со вздохом.

Харальд поперхнулся. Лицо смялось изумлением, гневом, презрением.

– У меня договор с Византией, – объясняет Ярослав. – Я не могу вмешиваться в ее дела. Ты убил ее людей, забрал ее деньги. Я не могу начинать воевать из-за этого.

– Ты – выдашь – меня? – не верит Харальд.

– А что бы ты сделал на моем месте? – интересуется Ярослав наставительно, как отец: он уже седоват, рассудочен. – Сейчас Византия сильна. Я не готов воевать. А так я получу половину того, что захватил ты. Конунг обязан думать о пользе страны.

Харальд швыряет свой кубок в стену и вскакивает.

– Конунг обязан быть терпелив и рассудителен, – вздыхает Ярослав небидчиво, поднимает кубок, заботливо расправляет сильными еще руками смятый край и ставит обратно на стол.

– Я готов предложить тебе выход, – говорит он.

Харальд ждет, уже взявшись за ручку двери.

– Я могу взять тебя на службу. Своих людей я не выдаю никому. А твои сокровища останутся тебе. Императрица будет извещена, что твой отец был должен отцу моей жены, конунгу Швеции Олаву. И теперь ты вернул долг. Олаву нет дела, где ты взял его. А у меня с ним договор, мы не можем ссориться. Ты согласен?

Ярослав подходит к окну, смотрит:

– Скоро подойдут византийские корабли. Что ты решил?

– Хорошо, – мрачно говорит Харальд. – Сколько я должен служить тебе?

– Всего один год. А там, если не понравится, ты уйдешь с почетом.

– Пусть будет так.

Ярослав наливает в кубки:

– Выпьем за это, сынок.

– Я буду служить тебе. Но я не стану пить с тобой.

– Я подожду, пока ты передумаешь, – необидчиво говорит Ярослав.

– Пошли сказать византийцам, что я у тебя на службе.

– Я уже сказал это два дня назад их гонцам.

Харальд, уже стоя у стола, осознает услышанное.

Ярослав хохочет, и смех его передается Харальду: напряжение ситуации обернулось юмористической стороной. Ярослав хлопает его по плечу, Харальд в ответ его, принимает сунутый ему кубок, чокаются, пьют и опять хохочут.

Главный сборщик налогов

121. Пир в палатах Ярослава, шум и гам, викинги сидят меж княжескими дружинниками, обруселыми норманнами. Харальд пьянеет. Смотрит на жену Ярослава Ингигерду, сидящую с ними – и вдруг лицо ее туманится, плывет и превращается в лицо его матери, старое и скорбное.

– Мать!.. – невольно и тихо вырывается у Харальда.

Хохот дружины.

– Ты уже метишь ко мне в родственники? – иронично спрашивает Ярослав. – Это всего лишь моя жена.

Хохот.

Зыбкое в туманном взоре Харальда лицо Ингигерды плывет, струясь, поверх лиц толпы вояк – и вдруг начинает молодеть, разглаживаться, яснеть, и превращается в лицо юной девушки, которую нельзя назвать красавицей – но лицо ее кротко, чисто и необыкновенно миловидно своей свежей и доброй простотой.

Перехватывая взгляд Харальда на женскую часть стола, Ярослав говорит:

– Лиза еще слишком молода, чтобы ты смотрел на нее как муж.

– Элис, – трезвея, повторяет имя Харальд.

– На тебя смотрит сегодня великий воин, дочь, – говорит Ингигерда, и она краснеет и отводит глаза. – Рано тебе еще сидеть с мужчинами. Ступай к себе.

Она идет к двери и чуть оборачивается, встречаясь взглядом с Харальдом.

122. Закрома Ярослава: маленькое внутреннее помещение терема, кованые двери, факел в кольце на стене.

Один за другим открывает он лари и сундуки вдоль стен, смотрит внутрь внимательно и придирчиво. Перегибается в ларь, сгребает со дна пару монет, взвешивает задумчиво на ладони и бросает обратно: монеты глухо стучают о пустое

деревянное дно.

Выходит, ударив дверью.

123. В палате в окружении нескольких бояр срывается на крик:

– Дружине надо платить! Церкви надо платить! Корабельщикам – платить! Зодчим – платить! Кузнецам и оружейникам – платить!

Резко проходит к окну, перед ним расступаются.

124. Под окном, на волокушах – несколько мертвых тел, и кровь из ран запеклась на одежде.

– Чем платить? – негромко в пространство спрашивает Ярослав. – Их головами? Дать смердам резать себя, как баранов... – Оборачивается к боярам: – Не много ли добра скопили вы на моей службе?.. – соображает вслух.

Бояре испуганно пятятся.

125. Харальд во главе готовой к выступлению дружины своих викингов. Держит под уздцы коня.

– Они покажут дорогу, – Ярослав кивает на пару своих дружинников. – Городище сжечь, мужчин повесить, взять все. Везде брать половину. Где скажут, что ничего нет – убивай каждого четвертого, пока не отдадут то, что спрятали. Где поднимут на слуг князя оружие – убивай всех. Десятая доля дани – твоя. Иди и береги свою голову – она должна служить мне.

Харальд садится в седло.

Тянется прочь от города небольшая колонна воинов, и

длинный обоз с телегами скрипит за ней.

По травянистой дороге в густой лес втягивается колонна.

126. Огороженное бревенчатой стеной селение, к которому подступает лес. Рассвет. В тишине – петушиный крик.

Яркий петух бьет крыльями и горланит на заборе.

И по этому звуку взрывается тишина: стук и треск выламываемых дверей, заpolошные вопли женщин, мычание и блеяние скота, лязг оружия.

Дымы пожаров поднимаются над крышами.

Сквозь дым раскачиваются ноги повешенных на воротах.

Выносят из амбара викинги мешки с зерном и бросают на телеги.

127. Скрипит и стучит колесами обоз по узкой лесной дороге – нагруженные телеги тяжелы.

Хмурый, едет Харальд верхом во главе дружины.

Выезжают на широкую поляну с ручьем.

– Делайте лагерь, – командует Харальд и спешивается. – Мы будем отдыхать здесь. Пять дней.

– Скоро настанут холода, ярл, – возражает один из двух княжеских дружинников-проводников. – Надо торопиться собрать дань со всех.

– Не надо торопиться, – лениво отвечает Харальд. – Мы будем отдыхать здесь семь дней.

– Великий князь не будет доволен!

– Будет. Пусть подальше разнесется весть о нас и о том, что произошло. Тогда брать будет легко.

128. Глубокая осень, голые деревья, грязь. Деревушка, серые избышки, сжатое жнивье на холмистом поле.

Отчаянный крик, страх и ненависть в голосе:

– Варяги пришли!..

129. Хмурые безропотные мужики отворяют амбары и хлебы. Выносят зерно, выводят скотину. Тащат свертки холстов и бочонки с медом.

С одобрительным видом знатока дружинник-проводник дует на мех шкурки в принесенной связке пушнины.

На крошечной грязной деревенской площади у колодца сидит Харальд на деревянном массивном грубом стуле – демонстративно спиной к происходящему. Он в кольчуге и шлеме, опирается руками на упертый в землю меч в ножнах. Смотрит вверх крыш и ждет.

За жердяной изгородью, за углом дома смотрит на него кучка бедняг-мужиков:

– Вот этот – начальный над ними, тот...

– Новый-то сборщик хуже старых.

– Недодашь – убивает всех... И не слушает ничего.

130. Крупно: колесо телеги едет по колдобистой грязи, тяжело переваливается под грузом через кочки, едет, и скрипит немазаная ось... скрипит и едет.

131. Огонь костра. Ночь. Крупные хлопья снега опускаются с черного неба на шатер пламени и исчезают над ним.

Блики огня на лице Харальда, сидящего у костра. Он куたается в плащ. Рядом – седой викинг, и княжий проводник,

и прочие греются вокруг огня: зима начинается.

– Заждался великий князь, – говорит проводник.

– Умен Ярицлейв, – раздумчиво отзывается Харальд.

– Премудрый. Книги читает! – проводник.

– Викинги конунгу дань берут, а крестьяне у доброго конунга защиты от викингов просят... И конунг хорош, и викинги плохи, и крестьяне покорны, и дань собрана. – Харальд.

– Настоящий конунг, – одобрительно ухмыляется седой викинг.

132. Зима, снег, солнце – длинный тяжелый обоз втягивается в Киев. Звонят колокола на звонницах, сбегается праздничный люд – поглазеть. Зипуны, платки; снежками перекидываются и в верховых викингов кидают, попадают, смеются.

133. Княжеское подворье, распахнутые ворота амбаров и хлевов. Мычащих коров заводят в хлевы, блеющих овец; ржущих коней ведут в княжеские конюшни мальчишки-тиуны. Тащат маленькие тяжелые бочонки с медом и катят тяжелые кадки с пивом. До крыши встают в амбарах штабеля мешков с зерном. Подвешивают к крючкам под балки крыши связки пушных шнурок. И отдельно ссыпают в три сундука деньги: пригоршни медных монет в большой, щепоти серебряных – в средний, редкие и маленькие золотые монеты – в самый меньший.

У сундуков стоит в распахнутой собольей шубе, в заломленной собольей шапке – Ярослав. Позади него двое ведут

запись: в руках у них дощечки, на дощечках расправлены куски бересты, и они пишут по бересте заостренными металлическими палочками. Внимательно тычут палочками в сторону складировемого добра, шевелят губами, торопятся и стараются.

Подходит Харальд.

– Тебя долго не было, – говорит Ярослав.

– У тебя большая страна, – отвечает Харальд философски. – Можно собирать дань хоть целый год. Если хватит амбаров, – хмыкает.

– Время копить добро – и время отдавать долю князю, – в том же философическом тоне отзывается Ярослав. – Пусть отдыхают до следующей осени. Жизнь – длинная, а бедным быть плохо.

Передергиванием плеч сбрасывает шубу, подхватывает и широким взмахом укрывает Харальда.

– Возьми с моего плеча, – дарит значительно. – Здесь холодные зимы. Если никто не согреет!.. – И хохочет собственной шутке.

134. Синий вечер, скрипучий снег, дымки над крышами, слабо мерцают маленькие окошки в бревенчатых стенах. Харальд проходит по пустой почти улице.

Навстречу поспешает мелкими шажками Лиза, Ярославна, сопровождаемая девкой-служанкой.

Поравнявшись с Харальдом, они обмениваются быстрым взглядом: нос ее уткнул в мех, так что видны только стрель-

нувшие глазищи.

Харальд запоздало и неловко слегка кланяется – когда она уже отошла, удаляясь. Продолжает движение – и через десяток шагов оглядывается: и она оглядывается тоже.

Любовь

135. Лиза в своей горнице. Входит девка.

– Харальд просил передать тебе. – Протягивает сверточек.

Лиза разворачивает большой тончайший шелковый с восточным узором платок, невольно вспыхивает, прикладывает к себе, смотрит, берет зеркальце. Девка восхищается.

– Отдай обратно, – через силу говорит Лиза и протягивает ей платок. – Передай, что мой отец богаче всех и у меня есть все, что я захочу.

Девка сокрушенно вздыхает, складывая платок.

136. – Он не отдаст за тебя дочь, – говорит старый викинг.

– Разве я плохой муж или зять? – гневно говорит Харальд и оглядывает себя, как бы убеждаясь в отсутствии изъянов.

– Я богат! – распаляется Харальд. – Я побеждаю всегда! На морях севера и юга – везде знают меня! И я – сын конунга! Кого Ярицлейв найдет лучше?

– Ты сочинил вису, – удивляется и посмеивается старый викинг. – Ты, наверное, решил стать скальдом.

– Что еще надо его дочери?.. И она сама смотрит на меня!

– Одну дочь Ярицлейв выдал за конунга франков, другую

– за конунга мадьяр. Он великий и богатый конунг, а ты – морской ярл, хотя и сын конунга. Но корону твоего отца взял другой, а Ярицлейву корона нужна больше человека. Конунгу приходится думать о власти и стране. В этом сила.

– У меня будет корона, – тяжело обещает Харальд.

Вытягивает меч и перерубает стол.

– У меня будет много корон, – тяжело обещает он.

137. Пир в палатах Ярослава – дым коромыслом. Харальд – на почетном месте, по правую руку через пару человек.

Все стихают, когда он берет гусли. Распевный речитатив под перебор струн:

Стяг мой – черный ворон —

Вел драккар сквозь бури.

Пали в битвах франки

И бежали мавры.

Шестьдесят сражений

Меч мой мне выиграл,

От сокровищ взятых

Стал драккар тяжелым.

Одобрительный выкрик нетрезвого хора, сталкиваются кубки, плещет вино.

Гордо и «скромно» лицо Харальда. Боковым зрением следит он за Лизой.

Не обратив, похоже, внимания на его песнь, она тихо разговаривает о чем-то с соседней женщиной, беззвучно под-

смеивается ее шутке, поднимается и как бы незаметно выходит из палаты, не обратив внимания на Харальда.

Лицо его твердеет, он делает знак слуге долить вина и придерживает рукой его наклоненный черпак, пока огромный кубок не наполняется через край.

– Здоровье воинов! – ревет он и осушает кубок до дна под рев товарищей.

138. В своей горнице Лиза за прялкой у окна сучит нить: играет и крутится веретено, свивается пушистая толстая нить.

Входит та же девка-служанка, достает сверток из-под одежд:

– Харальд велел передать тебе.

Лиза вспыхивает, разворачивает ларчик слоновой кости, раскрывает: на алом бархате лежит золотое с изумрудами кольцо тонкой работы. Щеки ее горят. Девка ахает и вылупляет глаза на редкостную роскошь.

Лиза прикладывает кольцо под шею и смотрит в поданное девкой зеркало. И отдает:

– Скажи ему, что такой подарок можно принять только от мужа. – Прерывисто вздыхает и тут же надменно задирает головку: – Совсем потерял ум этот викинг. Скажи ему, что дочь великого князя может выйти замуж только за великого князя.

Девка укоризненно и сочувственно мотает головой, пряча сокровище.

139. Тает пушистый снег на ветвях, голубеет серое небо, почки набухают на ветвях, проклевываются зеленые листья, и меж них – распускаются и дрожат на весеннем ветру яблоневые и вишневые цветы. Май.

Над днепровским обрывом, по молодой траве гуляют рядом Харальд и Лиза.

– Смотри – лебеди полетели! – показывает она.

– В Норвегию, – коротко говорит он.

– И зачем они туда летят. Ведь там холодно, да? – щебечет она.

– У них там гнезда. Там они выводят птенцов.

Подтекст откровенен. Идут молча.

– Что ты молчишь. Расскажи что-нибудь, – не выдерживает Лиза.

Помолчав, Харальд неловко выдавливая:

– Ты будешь моей женой?

– Нет! – хохочет она и убегает.

140. Спальня Ярослава, огонек масляного светильника. Ярослав и Ингигерда перед сном.

– Она любит его, – продолжает разговор Ингигерда.

– Она во всем послушна моей воле, – возражает Ярослав.

– Тебе кажется. Она выросла, и теперь ей нужен муж больше, чем отец.

– Он всего лишь викинг.

– Нет. Ты доверяешь ему дружину. Ты поручаешь ему налоги. Его отец был конунг и друг моего отца.

– То, что было – не важно. Его отец потерял корону. Он дал каким-то мужикам убить себя... разгромить!

– Она моя дочь, – горделиво говорит Ингигерда. – Она все равно сделает так, как хочет – даже если ты не отдашь ее. Знай это.

Насупленно помолчав, он:

– Она моя дочь. И будет делать то, что должна.

Гасит светильник. Они укладываются. Слабый отсвет луны на подушках, различимы лица в темноте:

– Хуже то, что его прозвали Жестоким, – вздыхает Ингигерда. – Я бы не хотела, чтобы у моей дочери был жестокий мужчина. Она добра и открыта...

– Она глупый вздорный ребенок! – чуть раздражается Ярослав. – А он – воин. А если воин суров и беспощаден – это правильно!

– Так он тебе нравится? – улыбается в темноте она.

– Он хороший воин, – бурчит Ярослав. – И только. – И поворачивается к ней.

В объятиях вдруг произносит, не отпуская мысли:

– Поляки опять были на Горыни. Забрали дань с Дубровицы... Пусть сходит в Польшу.

– Побереги его, – просит она.

– Богу виднее.

Польский поход

141. По узкой речушке меж лесистых берегов идут на веслах драккары с воинами.

142. По ручью ведут викинги драккары бечевой: вереницей по берегу, таща корабль канатом; еле протискивается он в зарослях, ручей совсем узок.

148. Волок. По земле, на катках-бревнышках, подкладываемых под днище: две вереницы впряглись в два каната, тянут корабль, привязанный за форштевень, остальные облепили с боков, подталкивают. Довольно легко и споро идут по каткам легкие кораблики.

144. Бесшумно пристают ночью к берегу.

Крепость на холме над берегом, зубцы каменных стен, башни.

Падают на стенах несколько часовых: стрелами пронзается горло.

Трехлапые крючья забрасывают викинги на края стен, лезут вверх по веревкам. Спускаются внутрь, в город. Пробираются к воротам стен, режут стражу, открывают ворота.

Беззвучно проникают в город вооруженные отряды, движутся по узким улочкам меж каменных домов под остроугольными крышами.

145. Спальня князя в его замке. Парча, бархат, альков, иконы. Спит князь в пышных перинах, похрапывает и по-

свистывает носом.

Шум раздается за стенами, шум нарастает и близится, грохот, лязг, крики. Князь ворочается, просыпается, вскакивает в постели, вытягивает шею, хлопает глазами, зовет:

– Эй! Что здесь! Стража!

С грохотом распахиваются двери – в них вырастает Харальд с обнаженным мечом, за ним викинги. Стуча каблуками по каменному полу, проходит Харальд и встает посередине:

– Конунг Ярицлейв шлет тебе привет. И зовет в гости. Вместе с дарами. Теми, что ты взял в Дубровице.

Перерубает одним взмахом меча два столбика, поддерживающих альков в изножье. Шатер падает, под складками ткани барахтается фигура.

Викинги хохочут. Один шлепает плашмя мечом по заду, обрисованному тканью, из-под которой князь так неловко пытается высвободиться.

146. Рассвет. Князя со связанными руками выводят из дверей во двор замка. Тела перебитой польской стражи валяются во дворе.

Князя пихают в грубую колымагу, где уже сидят несколько богато одетых вельмож – руки связаны за спинами.

Ведут и молодую красивую девушку в разорванном наряде, вороные волосы блестящей гривой по плечам, почти закрывают бледное лицо.

– Не троньте дочь! – бессильно вскидывается князь.

Харальд сумрачно смотрит на девушку, делает знак: ее отводят в сторону и сажают в такую же колымагу, непокрытую тентом наподобие примитивного фургона.

– Поджигайте все! – командует Харальд.

147. Перспектива узкой готической средневековой улицы – и метель из перьев и пуха, вылетающих из разбитых оконных проемов, кружит меж домов и над крышами, устилает все. И черные дымы пробиваются сквозь белую метель, выстреливают языки пламени.

148. Бесконечный, тяжело груженный обоз вытягивается из горящего города.

На белом коне с группой викингов едет Харальд вдоль обоза, хмуро глядя перед собой.

Обгоняя кибитки, встречается взглядом с княжной: она сидит у заднего бортика, смотрит на удаляющийся горящий замок, слеза ползет по бледной щеке, губы беззвучно шепчут молитву.

Харальд прерывисто вздыхает. Лицо его печально смягчается.

– Не бойся, – говорит он. – Ничего плохого с тобой не будет.

Несколько шагов едет рядом.

– Развяжите ее, – не глядя, приказывает он.

Идущий в оцеплении обоза дружинник приближается и на ходу ножом перерезает веревки на руках.

– Если захочешь убежать – твоего отца повесят, – по-

прежнему не глядя равнодушно бросает Харальд и посылает коня рысью.

149. Двигается по зеленой равнине меж дубрав длинный обоз с дружиной во главе.

Зеленое пространство делается полупрозрачным, желтовато-серым, превращается в старинную карту Польши, края пергаментного листа растресканы в ломких складках. Коричневые линии рек, угловатые латинские буквы надписей, крошечные рисунки крепостей обозначают города.

Боевая дружина, с викингами впереди, с Харальдом во главе, движется нам навстречу через этот фон, и черный ворон шевелит крыльями на стяге.

А на карте вспыхивают крошечными язычками пламени все новые крепости-городки, и тонкие струйки дыма курятся над ними: Пшемысль, Жешув, Люблин, Демблин. И наконец, долго чуть дымится и вот вспыхивает Варшава.

150. День, дубрава, лагерь, отдых: распряженные повозки, шатры, пасущиеся кони. Костер у огромного дуба, жарится мясо, на траве простая скатерь: вино, яблоки. Харальд, пара викингов, князь с дочерью – обедают.

– Киев – большой город, – говорит Харальд. – Будете жить у Ярицлейва, пока родственники не соберут за вас выкуп.

– А если не соберут – не будете жить у Ярицлейва, – добродушно улыбается седой викинг и разводит руками. – Конунг не любит бедных гостей. – И вместе со вторым викингом смеется шутке.

Князь натужно улыбается.

Кукушка кукует в лесу.

– Русы верят, что сколько сосчитает эта птица – столько проживет человек. Вам еще осталось долго, – утешает Харальд.

151. Кукушка кукует, но лес уже ночной. Полная луна. Прислонившись спинами к стволу огромного дуба, сидят почти рядом Харальд и польская княжна.

– Ты любишь своего жениха? – спрашивает он.

– Больше жизни.

– Почему же он не защитил тебя?

– Он был далеко. С посольством. За морем, у короля Англии.

– Когда-нибудь я убью короля Англии, – тяжело говорит Харальд.

– Ты очень жестокий. Тебе нравится убивать.

– Не всех. Если бы не он, я был бы сейчас конунг Норвегии. Но я еще буду им.

– Ты бы убил всех, кто тебе противился?

– Нет. Я получил бы корону после моего отца.

– Ты сын короля? – недоверчиво спрашивает он.

– Да.

Она смотрит на него долго и по-новому.

– Ты сильный и красивый, – говорит она. – У тебя есть жена?

– Нет.

– Почему? Многие девушки должны мечтать о тебе.

– Они мне не нужны, – помолчав, говорит он.

Она смотрит с сочувствием.

– А-а, – протягивает она. – Значит, та, которая тебе нравится, тебя не любит?

Он чуть вздыхает, чуть усмехается; помолчав:

– Как ты поняла?

– Это поняла бы любая женщина.

– Я не понимаю женщин, – признается Харальд.

– Это так просто, сын короля. Мужчина говорит и делает то, что он хочет. А женщина говорит и делает так, чтобы мужчина говорил и делал то, что она хочет.

– Как ты сказала? – переспрашивает Харальд и, морща лоб, соображает.

– Она из знатной семьи?

– Да.

– Она красива?

– Да.

– Она любит другого?

– Нет. Я не знаю...

– Она смеется над тобой?

– Да!

– И не принимает подарков?

– Да...

– И старается не смотреть, если ты видишь ее?

– Да. Скажи, ты колдунья?..

– Нет. Просто я тоже женщина, которая любит, викинг.

– Тоже? – напрягается понять Харальд. – Почему ты сказала «тоже»?

– Ты просил ее стать твоей женой? – не отвечает на вопрос она.

– Да.

– И она сказала «нет»?

– Да.

– Но при этом не была ни печальной, ни смущенной, ни ласковой? Так?

– Да! Почему ты все время спрашиваешь так, что я говорю тебе да?

– Она смеялась при этом?

– Да!

– Может быть, она еще и убежала?

– Да! И если ты не скажешь, почему ты спрашиваешь так, что я говорю только да, я убью тебя!

– Ты хочешь убить меня?

– Нет!

– А если я сделаю так, что она отдаст тебе свою любовь – ты обещаешь, что отца отпустят невредимым?

– Если ты это сделаешь – да.

– И меня вместе с ним?

– Да.

– Поклянись.

– Клянусь Одним!

– Даже если за нас не пришлют выкуп?

– Да.

– Как ты это сделаешь?

– Это мое дело. Я сам заплачу за вас Ярицлейву, если твои родственники не захотят выкупить вас.

– Ты так богат? – удивляется она.

– За моими сокровищами гнались все корабли Византии, – хвастливо говорит он.

– О... Расскажи мне, – просит она.

– А вот ей у меня никогда не получалось рассказать... – печально говорит Харальд. И тянется за гуслиями, они рядом на траве:

– Хочешь, я сложу для тебя вису? – перебирает струны.

Она кладет тонкие пальцы на его рукав.

152. На перебор струн седой викинг, спящий у погасшего костра, приподнимает голову, всматривается в две фигуры под дубом, освещенные сквозь крону лунными пятнами, покачивает головой умудренно и опять кладет голову на руну, закрывая глаза.

153. И желтеет листва на дубе, под которым они сидели...

И кружатся желтые листья в прозрачном синем воздухе...

...И сквозь легкое кружение листопада разгружается несметный обоз на подворье Ярослава.

...И снегопадом сменяется листопад, кружатся белые хлопья.

...И сквозь снегопад – пир в палатах Ярослава, круговые

чаши передают воины. Польская княжна не сводит глаз с поющего Харальда и бьет в ладоши.

Свадьба

154. Зима. Вечереет. Высокий берег над Днепром. По снегу идет одинокий Харальд, ветер раздувает распахнутую длинную шубу, снежинки летят в лицо. (Киевские стены невдалеке по холмам.)

Его догоняют одноконные санки и замедляются рядом (бубенчик под дугой стихает). Возница снимает шапку и кланяется. В санках Лиза.

– Здравствуй, Харальд, – помедлив, говорит она.

– Здравствуй, Элис, – с затруднением говорит он.

– Ты гуляешь один?

– Почему ты спрашиваешь?

Она подвигается в санках.

– Садись – подвезу.

Он садится. Едут молча, не глядя друг на друга.

– Я хочу пойти пешком, – вдруг говорит она.

Он помогает ей слезть с саней. Идут рядом.

– Я не мешаю тебе? – спрашивает она наконец.

– Чему мешать? Я ничего не делаю.

– Ты о чем-то думал.

Идут молча.

– Твоя полячка очень красива. Наверное, с ней тебе инте-

реснее.

– Почему моя? – защищается он.

Идут.

– Ты станешь моей женой? – беспомощно выговаривает он.

Она спотыкается, отворачивает лицо.

– Ты же не обращаешь на меня внимания! – неискренне убеждает она.

– Ты станешь моей женой? – в отчаянии повторяет он.

– Я ненавижу тебя! – кричит она и убегает.

Он догоняет, ловит, обнимает.

– Отец не отдаст меня за тебя, – припав к нему, говорит она сквозь слезы.

– А ты – ты хочешь?

Она тут же делает гримаску и пожимает плечами.

– Я люблю тебя, Элис! – со всей искренностью вырывается из глубины его боли. – Клянусь – я добуду для тебя корону!

– Не нужна мне никакая корона, – вздыхает она в объятиях. – Ты совсем глупый... – любовно говорит она.

155. Одетый почти до смешного празднично, в перстнях и золотых браслетах, стоит Харальд перед Ярославом.

– Я прошу у тебя руки твоей дочери Элисив, великий конунг, – торжественно говорит Харальд.

– Она еще очень молода, – с легкой насмешкой хозяина положения и лукавца отвечает Ярослав неторопливо. – Но надо сначала спросить у нее самой.

– Она согласна.

– Надо посоветоваться с ее матерью, – тянет Ярослав.

– Ингигерда добра ко мне. Она не будет против, я знаю.

И – разве ты не хозяин в своем доме, чтобы дать ответ, как мужчина мужчине?

– Я хозяин в своем доме, – холодно осаживает его Ярослав. – И не тебе учить хозяина в его доме, как ему надо отвечать. Подождем немного. Куда торопиться.

– Третий год я служу тебе, Ярицлейв. И если надо, буду служить еще тридцать. Но ты отдашь за меня Элисив! Или я возьму ее после твоей смерти! – в ярости почти кричит Харальд.

– Ты хочешь убить меня! – хохочет Ярослав. – Ты просто берсерк! Смотри, не откуси мне голову!

Громко бьет в ладоши. Вбежавшему слуге:

– Вина! И золотые кубки. Мой зять хочет выпить со мной.

Только что он сказал, как сильно меня любит!

На лице Харальда сменяются ярость, непонимание, изумление, счастье.

156. Деревянная церковь, киевская знать, гудение колоколов, лучики света сквозь цветные венецианские витражи, колебание сотен свечей.

Лизу в белом и Харальда в бархате ведут к аналою.

– Крещен ли ты, сын мой? – негромко и деловито басит священник, останавливая Харальда за три шага до места.

– Крещен, – подтверждает слышавший Ярослав, он рядом.

Снимает с себя нательный крест и надевает на Харальда. – Он крестился в Царьграде. Это так, Харальд?

– Так, – растерянно соглашается Харальд, заправляя крестик под одежду – рядом с отполированной годами палочкой, не совсем и белой уже, серовато-желтоватой, на тонком кожаном ремешке: крестик рядом с неразлучным амулетом.

Юную невесту и здорового громилу-жениха ставят рядом, и гудит поп, свершая церемонию:

– Венчается раб Божий (себе под нос, тихой строптивой скороговоркой: «И нет такого имени христианского!») Харальд и раба Божия Елисавета...

Ярослав незаметно грозит ему пальцем, и поп прибавляет громкости и усердия.

157. Торжественный выход из церкви: яркий зимний полдень, колокола, толпа, взлетающие шапки, молодые выходят из дверей и спускаются с крылечка (резные столбики поддерживают его треугольную крышу), перед ними несут икону, их осыпают горстями зерна, а за ними из шествия кидают в толпу пригоршни монет. Отороченная горностаем фата-мантия молодой метет снег, в алом бархате Харальд на голову выше и шире в плечах любого, и пальцы жены тонут в его широкой лапе.

158. Ночь в спальне, две головы на подушке, голубоватый, призрачный лунный полусвет.

– Ты родишь мне сына, – мечтательным полусшепотом говорит Харальд. – И я позабочусь, чтобы он был конунгом.

– А если будет дочь?

– Дочь – очень хорошо. А потом ты родишь сына. И он будет конунгом, – упрямствует Харальд.

– А если опять будет дочь? – поддразнивает она.

– Я очень постараюсь, – подумав, обещает он.

Косой лунный луч льется в окошко – маленькое, белесое от инея, в решетчатом переплете. Харальд подносит на руках жену к окну, опускает на ноги, растворяет раму.

Два прекрасных нагих силуэта облиты голубым сиянием: могучий мужской и маленький стройный женский.

– Видишь эту звезду? – указывает Харальд. – Она всегда указывает на север. По ней направляешь корабль ночью. Там – моя страна. И она ждет меня. Она ждет нас...

– У тебя чудесная страна. Только очень холодная, – льнет она к нему, озябнув в потоке холодного воздуха, и он поднимает ее на руки, укрывая.

На родину

159. Ранняя весна, солнце, последние льдины сплывают по Днепру. Среди них движется сверху, с севера, драккар.

Кучка киевлян на берегу рассматривает его приближение, в переднем ряду Харальд.

Драккар врывается в берег, прыгают на землю викинги. Предводитель, обведя взглядом зрителей, приветствует Харальда.

– Здоров ли конунг Ярицлейв? – спрашивает он.

– Да.

– Дары на обратном пути. Хотим навестить крымского хана, – смеется предводитель. Он совсем молод рядом с заматеревшим тридцатилетним Харальдом.

– Откуда идете?

– Из Дании.

– Какие вести?

Предводитель смотрит улыбочиво и независимо:

– Не ты ли Сигурдарсон, Жестокий?

– Говори, – утвердительно разрешает Харальд.

Предводитель серьезнеет, оценивает: уважает.

– Не все спокойно, – сообщает тоном человека, блюдущего превосходство старшего. – В Англии умер Кнут.

Взгляд Харальда расфокусируется, обращен внутрь собственных глубин.

– Когда? – помолчав, медлительно спрашивает он.

– Зимой, – пожимает плечами предводитель. – Теперь в Дании считается власть Хардакнута. А Магнус и Свейн собирают большой тинг в Норвегии.

Но Харальд уже не слышит его, думая о своем. Поворачивается и идет в город.

160. В палате Ярослав, расхаживая с листом пергамента, читает с него по-старогермански и переводит на русский, диктуя записывающему за столом писцу:

– А кто не своего смерда убьет, пусть заплатит хозяину

две гривны серебром, или мехов...

Стучат тяжелые решительные шаги за дверью, близятся, дверь шумно распахивается – Харальд:

– Кнут умер! – извещает он о важном и долгожданном.

– ...куньих пол-сорока, или пшеницы шесть мер... – продолжает Ярослав и отрывается: – Ты хочешь что-то сказать, Харальд? Почему прерываешь меня?

– Кнут умер! – повторяет Харальд.

– ...или меда два бочонка... Я знаю, – спокойно, как о бытовой подробности, говорит Ярослав.

Харальд смотрит, не понимая:

– Когда ты об этом узнал?

– А если же кто дружинника убил... Еще в начале зимы поляки с выкупом были, и среди них один, кто видел Кнута в Англии. Рассказывал, что болеет Кнут. Велел я лекарю расспросить его про все. И лекарь сказал – не дожить Кнута до весны. А лекарь хороший, из Царьграда. И плата ему большая.

Харальд медленно соображает:

– И когда ты отдавал за меня Элисив – ты знал?!

– Тебе пора уже запомнить – конунг должен знать все.

Харальд накаляется, раздувает ноздри.

– Кажется, ты не рад, – деланно озадачивается Ярослав. – Или твоя жена чем-то огорчила тебя?

Харальд бьет в сердцах кулаком по столу, чернильница подпрыгивает и выплескивает чернила в лицо писцу, тот от-

шатывается и падает со стулом, барахтаясь.

Ярослав невольно смеется этой шутовской импровизации, и зараженный его смехом хохочет Харальд, смотрит в глаза Ярославу и снова хохочет.

– Хитрее тебя я не знал, Ярицлейв, – стихнув, восхищается он.

– Ты получил и жену, и корону. Удачливее тебя я не знал, – в тон отвечает Ярослав. – Впрочем, корону ты еще не получил, – деловито добавляет он.

161. Добро из хранилищ Ярослава перетаскивают на корабли – много добра: тюки, свертки, сундуки и мешки. Вереница согнувшихся под грузом людей течет муравьиной цепочкой из городских ворот к берегу. Отделяется доля Харальда и приданое его жены.

162. Ярослав медленно движется вдоль строя своих дружинников и то на одного, то на другого указывает пальцем. Некоторых хлопает по плечу. Одного-другого обнимает. Одному подает снятый с пальца перстень. Отмеченные переходят в другой строй – за спину стоящего чуть поодаль Харальда.

163. Проводы на берегу. Полдюжины кораблей, добро в них, уже заняли места у весел викинги и русские дружинники. Зрители, женщины, платочки, священники, прощальные слова через головы к отбывающим.

Элис (так мы будем звать ее отныне), беременная, в объятиях матери, роняет слезинки и выслушивает женские на-

ставления и напутствия.

Харальд стоит перед Ярославом.

– Сто дружинников даю с дочерью и приданое, какое ей подобает, – заключает Ярослав. – Ты силен. Богаче тебя не будет человека в Норвегии. И ты – мой зять. Когда пройдет большой тинг – дай мне знать.

– Я дам знать, когда стану конунгом, – отвечает Харальд.

Ярослав поднимает брови:

– Это не одно и то же? Не огорчай меня, или я в тебе ошибся.

– Ты никогда не ошибался, Ярицлейв. Я не огорчу тебя, – заверяет Харальд. Скупно улыбается. Объятия.

Священник иконой благословляет отправляющихся в путь.

Падают причальные канаты. На кораблях ударяют весла.

164. И вот уже вереница корабликов удаляется по Днепру, растворяется вдаль, скрывается за зеленым поворотом.

165. Сечет косой серый дождь. Сквозь непогоду продолжают движение корабли. Поникшие деревья со сбитой шквалом листвой по берегам, редкие серые деревеньки.

166. Под лазурным небом, через озеро, огромное, как море – идут корабли. Вдали – белые стены и золотые купола на холме над берегом.

167. Поздний вечер, костры на берегу, воины ужинают.

Харальд и Элис сидят у своего шатра. Он кладет руку на ее большой уже живот и прислушивается к ощущениям.

– Да там настоящий берсерк! Не родился, а уже буйный! – удивляется он.

Она улыбается.

– Расскажи мне еще про нашу страну, – просит она.

– Она прекрасная, богатая и огромная, – говорит он задумчиво. – В ней есть Норвегия, Дания, Англия и много островов. Когда-то Кнут отобрал у меня все, но я был еще ребенком. Теперь я отберу все, что принадлежало ему. Я долго ждал, но твой отец хорошо научил меня, что конунг должен уметь ждать.

– Я не хочу, чтобы ты воевал.

– Ты не хочешь, чтобы я побеждал? – изумляется он. – А что же я должен делать?

– Жить...

– Побеждать – это и значит жить.

– Бог долго хранит тебя...

– Если он перестанет хранить – можно умереть, даже подавившись мясом на пиру. Пойдем спать, Элис, – тебе надо отдыхать, а путь долог. Наш сын будет великим из великих конунгов.

168. Свинцовые морские волны катятся под свинцовым небом. Бегут корабли, и яркий квадратный парус над каждым – красный или полосатый. И белая пена под форштевнями.

У мачты головного, под красным парусом, под зеленым стягом с бьющимся вороном, меж воинов в кожаных курт-

ках, под брызгами, взлетающими через борт – сидит Элис и кормит грудью новорожденного младенца.

На носу Харальд смотрит вдаль, и морская пена летит на него.

169. Скалистые берега Норвегии встают на горизонте.

Тинг

170. Зеленый луг, несколько принаряженная толпа, кожаные палатки по периметру, за ними распряженные повозки, блеклые редкие северные цветы по зелени и дальние невысокие горы. Большой тинг.

171. В большой палатке вокруг низкого грубого стола десяток мужчин пьет эль из оловянных кружек. На хозяйском месте – крупный животастый мужик с тяжелым взглядом – Эйнар Вислобрюхий. Напротив него – Харальд.

– Но Магнус в Бьорне уже объявил себя конунгом, и за ним много людей, – говорит Эйнар.

– Мои люди – лучшие, – говорит Харальд.

– У него много кораблей, – сообщает один.

– У него много коров, – добавляет другой.

– У меня больше богатств, чем во всей Норвегии. Я могу купить все корабли и всех коров, – говорит Харальд.

На него смотрят с почтительным недоверием.

– Ты можешь показать нам свои богатства? – спрашивает Эйнар.

– Да. И одарить вас.

В застолье происходит круговой звук и потупливание глаз.

– Он заключил дружбу с конунгом датским Хардакнунтом, – продолжает выдвигать аргументы Эйнар.

Харальд пренебрежительно дергает углом рта:

– Мой тесть – великий конунг Гардарики Ярицлейв. Он дал за своей дочерью дружину. Мой сын – его внук.

Эйнар смотрит испытующе:

– Магнуса люди прозвали Добрым, а тебя – Жестоким. А крестьяне всегда любят доброго конунга.

– Он подкупал – а я побеждал. Конунгу нельзя быть добрым – он должен быть сильным. Я сильнее Магнуса.

– Но захотят ли тебя люди?

– Люди захотят, чтобы никто не смел напасть на того, кто живет в Норвегии. Люди захотят богатой добычи, взятой на чужих берегах. Люди захотят того, кто сделает их сильными и богатыми. Вы – кого хотите вы?

172. Харальд поднимается на возвышение среди толпы. Следом поднимается Эйнар и встает впереди него:

– Кто не слышал о славе Харальда?

Тишина.

– Кто не знает о несметных сокровищах Харальда?

Гудение.

– Кто забыл, что Харальд – сын нашего конунга?

Гудение делается громче.

– Кто сумеет лучше защитить нас от врагов, чем Харальд? – Эйнар повышает голос, он уже кричит.

Толпа начинает заводиться, гудение поднимается до рева.

– У кого в Норвегии есть удача больше, чем у Харальда? – кричит Эйнар, дирижируя толпой.

Приветственный рев. Собственно, для того и собирались, чтобы избрать Харальда.

– Пусть Харальд будет конунгом! – выкрикивает первым парень в толпе.

Рев.

Харальд встает впереди Эйнара. Эйнар спускается.

Бледное, со сжатым ртом и раздутыми ноздрями, торжествующее лицо Харальда.

Корона

173. Равнина под хмурым небом, и два войска на равнине. Разделенные полукилометровым пространством, сгрудившиеся в десяток неровных шеренг, по несколько тысяч человек с каждой стороны. Щетина копий, крашенные щиты: зеленый стяг Харальда с одной стороны – и красно-белый флаг Магнуса напротив. Ожидание.

174. Харальд в центре строя, на белом коне. Поседевшая в многолетних боях, источая презрительную свирепость, окружает его когорта викингов. Ровным квадратом рядом (кольчуги, островерхие шлемы, мечи), как боевой механизм

– сотня отборных дружинников Ярослава.

175. Магнус, худощавый темноволосый мужчина с морщинистым крестьянским лицом, умным и располагающим к себе, в центре своего войска смотрит на врагов. Сидя в седле, переглядывается с приближенным. Силы численно равны.

– Хорошая дружина... – не отрывая глаз от врага, задумчиво цедит приближенный.

– Двадцать лет он убивал во всех странах, – глядя туда же, негромко говорит Магнус.

176. Харальд медленно двигает коня, выезжает вперед своего войска. Шагом конь продолжает удаляться от строя своих. Вот Харальд проехал уже треть пространства между противниками – в безмолвии следят за ним с обеих сторон. Останавливает коня, спешивается. Втыкает в землю меч и вешает шлем на его рукоять. Делает еще десяток шагов вперед (ветер отдувает светлые волосы).

– Харальд, конунг Норвегии, хочет говорить с Магнусом! – громко взывает он, остановившись.

Магнус со своей стороны проделывает то же самое и отвечает звучно:

– Магнус, конунг Норвегии, согласен говорить с Херальдом!

И они сходятся посередине поля.

177. Друг против друга, в трех шагах, вперяют взгляды.

– Я разобью тебя, – тяжело, спокойно говорит Харальд.

– Это решат боги и оружие, – спокойно отвечает Магнус.

– Но я устал убивать везде. Я не хочу убивать на своей земле.

– Что ты предлагаешь?

– Твои люди хотят тебя. А мои – меня. Пусть так и будет. Я возьму себе половину. И ты возьмешь себе половину. В Норвегии будут два конунга. И никто не должен будет умирать.

– Ты хочешь, чтобы я отдал тебе половину владений. Что ты хочешь дать мне взамен?

– Половину того, чем владею я. Мои богатства очень велики, ты, наверное, слышал. У тебя будет земля и богатство. У меня будет земля и богатство. Это будет справедливо.

Магнус напряженно взвешивает.

– Если хочешь, мы можем решить все в честном поединке, – предлагает Харальд с проблеском злорадной угрозы.

Магнус принимает решение.

– То, что ты предлагаешь – справедливо. Пусть будет так: я согласен. Но прежде мы поделим сокровища, а потом – землю.

– Сокровища делить быстро, страну – трудно, – возражает Харальд.

Подумав, Магнус заключает:

– Будем готовиться к пиру. Завтра на нем мы договоримся, как все делать. Делить можно одновременно.

Закljučают рукопожатие.

И поворачиваются каждый к своему войску, делают по несколько шагов, вздевают руки:

– Харальд и Магнус – конунги Норвегии! – это Харальд.
– Магнус и Харальд – конунги Норвегии! – а это Магнус.

178. Облегченный гул в войске Магнуса, ряды зыблются и смешиваются.

179. Разочарованно кривятся викинги, «старая гвардия» Харальда.

180. Вечер, лагерь, костры. У палатки Харальда.

– Ты зря уступил, – вздыхает седой викинг. – Мы бы перерезали этот сброд, как баранов.

– Бараны могут пригодиться. Лучше договориться с вожаком, – философически отвечает Харальд.

– Говорят, Магнус хитер...

– Хитра была Зоя. Хитер был Ярицлейв. Я пойду спать. А ты не спи, – приказывает Харальд и скрывается в палатке.

Поодаль от костра, среди спящих, раскрываются две пары глаз и внимательно прослеживают его движение.

181. Ночь, спящий лагерь, тишина под звездами. Из-под края палатки, противоположного входу, выползает фигура, встает – это Харальд – и растворяется в темноте.

Те же две пары глаз следят за ним. Два человека тихо встают и, пригнувшись, скользят за ним следом.

182. В драккаре Харальд говорит гребцам (их всего половина от обычного), бесшумно погружающим весла в черную гладь:

– Я переночую здесь.

Укладывают весла, бросают якорь – кусок железа на ве-

ревке.

– Всем можно спать.

Харальд укладывается на главном месте – у мачты, – с головой завернувшись в свой плащ. И вскоре уже похрапывает.

183. Лодка с двумя гребцами проявляется из тьмы и бесшумно касается борта драккара. Один из двоих придерживается за низкий борт драккара рукой, другой перелезает в корабль, мягко, беззвучно. В руке у него неразличимый предмет.

Подходит к тихо спящему Харальду, заносит предмет – это секира, звезды блеснули на лезвии – и рубит на пол-локтя ниже светлых волос, виднеющихся над краем плаща: там, где угадывается шея. Хряск и стук.

Вскрикивает и вскидывается кто-то на корабле, убийца двумя бесшумными прыжками перепрыгивает в лодку и она мгновенно и беззвучно тает во тьме.

Секира осталась в жертве – удар был силен, в палубу, похоже, вошло лезвие углом наискось.

За торчащую рукоять берется крупная мужская рука и выдергивает оружие. Откидывает плащ. Под плащом – пук соломы, окорок и бревно.

Человек берет в руки и рассматривает половинки чисто рассеченного окорока. Это Харальд. Он нюхает одну половинку, откусывает, жует, ест. Потом откатывает бревно ногой, а сам устраивается на прежнем месте. Рассматривает дыру в плаще, укрывается и снова засыпает.

184. День. Лагерь. Пир. Костры. Бочонки с элем и брагой, ковши и кружки. Туши быков и овец на вертелах. Хмельные воины за трапезой.

За столом, покрытым холщовой скатертью – Харальд, Магнус, десяток приближенных: серебряные кубки, жареные гуси. Гомон.

– Да хранят тебя боги, Харальд! – возглашает Магнус и пьет. Лицо у него доброе и приятное.

– Хочу выпить с дружинниками Ярицлейва... за их конунга, моего тестя! – Пьяноватый Харальд выбирается из-за стола, подставляет под струю эля своей огромный кубок и уходит в толпу, чуть покачиваясь.

Пирующие вокруг костров не обращают на него излишнего внимания.

Оглянувшись, Харальд выплескивает кубок. Достает из-под одежды синий стеклянный пузырек византийской работы, внимательно рассматривает, откупоривает тугую притертую пробочку и выпивает. Достает зеленый пузырек – и выбулькивает в пустой кубок.

Возвращается, кого хлопнув по спине, у кого сделав глоток из кружки по дороге.

Устроившись за столом, снова наполняет свой кубок:

– Теперь мы друзья с Магнусом! У нас всего поровну! И пусть боги покарают того из нас, кто задумает зло против другого!

Под приветственные возгласы отпивает половину, как и

Магнус; они обмениваются кубками и допивают до дна после другого.

Два конунга целуются, смеются, закусывают огромными кусками. Веселье за столом.

Вдруг Магнус перестает жевать, лицо его делается неподвижным, глаза выпучиваются, он багровеет, подносит руки к груди и хрипит, задыхаясь. Пытается встать, опрокидывает стол, падает и корчится в конвульсиях.

Все вскакивают и смотрят на него с суеверным ужасом.

Магнус скребет пятками землю и затихает с остекленевшими глазами.

– Он хотел нарушить клятву, данную перед богами, – негромко, с презрением произносит седой викинг.

– Будь проклят род собаки, – говорит другой из сторонников Харальда.

– **Я** вижу, что твою удачу никто не сможет переломить, сын Сигурда, – говорит Харальду бледный приближенный Магнуса. – Вы заключили честный договор, и я признаю тебя моим конунгом.

– Теперь ты конунг всей Норвегии, Харальд, – добавляет еще испуганный другой.

185. По узкому проходу меж собравшегося войска проходит Харальд с мрачноватым и торжествующим лицом, приветственно кричат воины, и золотая, неширокая, массивная, с редкими зубцами, корона конунга на его голове.

Внутренняя политика

186. Темноватая большая комната, длинный стол, на широкой скамье с одной стороны, посередине, меж двух резных столбиков, поддерживающих потолок – на хозяйском месте – сидит Эйнар. Напротив, его место на другой скамье отделено со сторон высокими подлокотниками – Харальд. Женщины ставят еду и питье и выходят.

– Неприятный разговор, но нужный, – говорит Эйнар. – Бонды недовольны налогами. Мы договаривались, что ты не будешь повышать налоги, Харальд.

– Мне они платят меньше, чем заберут у них датчане, если опять придут сюда, – холодно отвечает Харальд.

– Можно забыть датчан, но нельзя забыть, что ты дал им слово, Харальд. Конунг должен держать слово.

– Слово конунга должно служить его делу. Слово может меняться, а дело остается одно: страна должна быть сильной.

– Помнишь ли ты, что из-за этого тебе и пришлось бежать двадцать лет назад, а дом твоего отца был сожжен?

– Я не привык забывать ничего.

– Еще. Родственники Магнуса не простят тебе, что ты похоронил его без почестей, подобающих конунгу.

– Клятвопреступнику, наказанному богами, не подобают почести.

Эйнар стучает по столу:

– Его род силен! И недовольные бонды тянутся к нему. Ты наживаешь врагов.

– Я привык к врагам. Почему это заботит тебя?

– Норвежцы привыкли к свободе. И готовы воевать за нее. Я обещал им свободу, когда мы помогли стать тебе конунгом, Харальд.

Помолчав, Эйнар произносит с подтекстом:

– Ты поистине бесстрашный человек, Харальд.

– Ты тоже бесстрашный человек, Эйнар.

Критическое молчание разряжается смехом: собеседники показывают, что оценили комплименты правильно.

– Выпьем, хозяин! Я думаю, что мы договоримся.

– Выпьем, конунг! Я тоже так думаю.

– Приезжай ко мне через два дня. Я должен все взвесить и обсудить со своими людьми. Серьезные решения нельзя принимать быстро.

Выпивают. Харальд уходит. Эйнар смотрит ему вслед и стискивает кулаки. Потом что-то шепчет и презрительно усмехается.

187. Рассвет. Десяток конных скачут в тумане. Спешиваются, треножат коней. Пробираются кустами. Занимают места за ветвями: сквозь листву виден большой дом на холме над речкой (камень, бревна, узкие окна под низкой крышей). Тихо во дворе дома. Люди в кустах натягивают тетивы на луки и проверяют стрелы.

188. Солнце встает. Еще десяток конных, в другом месте,

треножит коней и поднимается по склону холма. За гребнем холма показывается невдалеке этот же дом, уже с другой стороны. Люди ложатся в траву, наблюдая, и раскладывают мечи и топоры рядом.

189. Утро. Корабль Эйнара поднимается по этой речке. Пристает напротив дома – это дом Харальда.

190. В доме уже идет хозяйственная жизнь: работники и слуги кормят скотину, носят дрова, выпускают на пастбище коров, женщины развешивают сушиться перины. Останавливают работу, смотрят из-под руки на прибывших. Некоторые торопливо входят в дом.

191. Четыре десятка вооруженных бондов вылезли с корабля и стоят на берегу – топоры, длинные рубахи из дубленой кожи, луки через плечо, оперенные тыльники стрел из колчанов. Эйнар, он без оружия, стоит впереди. Разговаривает о чем-то с высоким бондом (у этого на поясе меч). Кивают друг другу. После этого Эйнар в сопровождении пары бондов, оставляющих свое оружие в корабле, начинает подниматься к дому.

Дверь дома – главная, обращенная к берегу – открывается: выходит Харальд, без оружия и доспехов.

– Приветствую тебя, Эйнар! – останавливается Харальд у толстого короткого столба с круговыми желобками – коновязи. – Ты с людьми? Твои люди с оружием? Разве так мы договаривались?

– Сейчас мы обо всем договоримся, – Эйнар продолжает

подниматься.

192. Лучники в кустах натягивают луки и досадливо кричатся: Харальд встал так, что столб заслоняет его. Выжидают наготове.

193. – Ты рано приехал. Наверное, плыл всю ночь? Но у меня уже готов завтрак. – Харальд кажется неуверенным, каким никогда не был.

– Это хорошо, – говорит Эйнар.

– Пусть твои люди подождут! Заходи в дом.

Эйнар усмехается, делает жест своим, двое остаются на месте, он продолжает подниматься один. Останавливается перед Харальдом:

– Я думаю, твой ответ готов, конунг? – он открыто усмехается.

– Я думаю, да. – Харальд смотрит на вооруженных внизу у корабля.

– Ты не сделаешь даже одного шага мне навстречу? – изображает задетое самолюбие Эйнар, косясь на кусты: понимая задержку, пытается выманить Харальда из-за некстати стоящего столба.

– Войдем, – приглашает Харальд, делая движение головой в сторону двери, оставленной открытой. – Я сам подержу тебе полотенце, пока ты помоешь руки.

– Хорошо. – Эйнар подходит рядом. – Я пойду следом за тобой, – говорит он.

– Гость входит впереди хозяина.

– Что-то у тебя там темновато... – Эйнар вглядывается сквозь открытую в четырех шагах дверь внутрь темного помещения.

– Я поддержу, если ты споткнешься, – шутит Харальд.

Но когда Эйнар делает шаг, Харальд хватает его за шиворот и толчком отодвигает на вытянутую руку – рядом с собой и чуть впереди.

– Ешь! – выкрикивает он.

Тихий вжикающий свист из двери: четыре стрелы торчат в груди и животе Эйнара Вислобрюхого. Харальд разжимает руку – и тело валится. Одним прыжком Харальд вскакивает в дом. И через несколько секунд три десятка воинов вываливаются из обеих дверей дома и двумя группами бегут к кустарнику на холме, охватывая его в клещи и прикрываясь щитами.

194. Но когда они продираются сквозь кусты, на бегу кося ветви – десяток всадников уже уносится поспешно по равнине, и лишь один, отставший, все срывается в суе ногой со стремени, но вот тоже прыгает в седло и несется вдогонку.

Один из воинов сплевывает и, тяжело дыша после бега, бросает меч в ножны.

195. А за другим холмом другой десяток готовых было к нападению наблюдателей при виде происшедшего медленно отползает от гребня холма вниз и бросается к своим коням; уносятся прочь.

196. Харальд с мечом спускается к бондам, готовым в ко-

рабле отплыть, и поднимает свободную руку:

– Война – не ваше дело, – говорит он. – Возвращайтесь домой, свободные люди. К своим семьям и коровам... Я хочу, чтобы в Норвегии был мир.

197. И когда он стоит на том же месте у реки, глядя в пространство вслед скрывшемуся кораблю – к нему спускается из дома Элис, ведя за руку маленького сына, и встает рядом.

– Ты уже всех победил, Харальд? – влюбленно, с надеждой и грустью спрашивает она и приникает к нему.

И он вкладывает меч в ножны, подхватывает сына на одну руку и обнимает жену другой.

– Сегодня утром я впервые почувствовал, что хочу покоя, – произносит он. – Наверное, я постарел.

Молчаливая сцена, потом искра мелькает в глазах Харальда, ноздри дрогнули, и напор знакомой внутренней силы приоткрыл себя в голосе:

– Но я еще не все сделал в жизни!

198. Лицо его – крупным планом на фоне неба и облаков – медленно и неуловимо стареет, чуть резче обозначаются складки у губ и морщинки вокруг глаз, серебряные нити прорезаются в волосах.

А рядом с ним, оказывается, стоит уже почти подросток, его сын, а за руку Элис держится девочка лет семи, и пшеничные волосы Элис стали темнее, и лицо ее уже не так свежо, как в молодости.

Стадо на лугу – за ними – и дымок над крышей дома.

Англия

199. В короне и бархате сидит Харальд на троне норвежских конунгов. Длинный стол покрыт пурпурной скатертью – приближенные за столом по обе руки конунга. Сед как лунь стал старый викинг, сопровождавший его во всех походах. В средний возраст вошел Свейн, с которым они ушли из Византии. Обрюзг бывший советник Магнуса.

Стук шагов, распахивается дверь на противоположной стороне невысокого деревянного зала. Посол Нормандии – стройный мужчина, одетый по французской моде середины XI века – движется к трону и останавливается за три шага, по этикету. Кланяется.

– Великий герцог Нормандии Вильгельм шлет свой привет и дары конунгу Норвегии Харальду!

Один из его свиты вносит, держа перед собой, алую подушечку, на ней коробочка, в коробочке оказывается массивный золотой перстень с огромным рубином: с поклоном кладут перед Харальдом.

Широченный золотой браслет с чеканкой.

Расшитый золотыми нитями и бисером кожаный пояс.

На вытянутых руках попарно несут и кладут складками плащ синего бархата и плащ из меха выдры.

И, наконец, передают послу, а уже он подает Харальду меч в богато украшенных ножнах, с камнями на рукояти.

Харальд стоя принимает меч, вытягивает из ножен синеватый отполированный клинок, делает им несколько мелких рассекающих движений со свистом, прячет в ножны и кладет перед собой.

Дары вручены и приняты. Посла с несколькими свитскими сажают напротив и наливают всем в кубки. Беседа.

– Мой герцог хотел бы знать, известно ли конунгу Норвегии, что король Англии Эдуард умер, и наследников у него нет? – спрашивает посол.

– Да, – с монаршей затяжкой отвечает Харальд.

– Мой герцог хотел бы знать, известно ли конунгу Норвегии, что на трон Англии претендует Гарольд из дома Уэссексов, по наследованию не имеющий никаких прав на трон?

– Да.

– Знает ли конунг, что герцог Нормандии Вильгельм – двоюродный брат умершего короля Эдуарда и его самый близкий родственник из всех?

– Да.

– И что Гарольд принес Вильгельму клятву на святых мощах, что после смерти Эдуарда будет помогать всем, чем может, Вильгельму вступить на законный трон Англии?

– Да.

– И что Эдуард, много лет прожив изгнанником в доме Вильгельма и его отца, завещал корону Вильгельму?

– Люди говорят... – неопределенно отвечает Харальд. Посол откашливается и приступает к главному.

– Королевство Нортумбрия, занимающее почти половину английского острова – старинная область датского права. Английские короли подчинили ее хитростью и подкупом. Тот, кто примет державу, которая была у Кнута Великого, должен иметь право на короны всей Англии, Дании и Норвегии. Вильгельм помнит о праве Харальда на Данию. Когда Харальд унаследовал Магнусу – он унаследовал и право Магнуса на Данию после смерти конунга Дании Хардакнута. Но после смерти Хардакнута датчане нарушили это право... – и умолкает.

– Вильгельм хочет подарить мне Данию? – поднимает брови Харальд. – Разве она уже принадлежит ему?

– Вильгельм хочет подарить тебе Нортумбрию и предлагает союз, чтобы помочь взять корону Дании.

Пауза. Переглядывание за столом, перебрасываются тихими словами.

– А чего хочет сам Вильгельм? – спрашивает Харальд иронично.

– Почти ничего.

– Вот как? Ничего – это не слишком много, – замечает Харальд под смех присутствующих.

– Если Харальд согласится, то Вильгельму достаточно только заранее знать, когда норвежцы высадутся в Нортумбрии. Тогда в этот же день нормандцы высадутся на юге Англии. У Гарольда не может хватить войск, чтобы справиться с двумя одновременно. О доблести Харальда знают все. Вы

поможете друг другу, и каждый получит свое.

Молчание. Обдумывание за столом. Обмен фразами.

– Я обдумаю предложение Вильгельма, – задумчиво обещает Харальд.

– Вильгельм считает, что никто не должен знать об этих переговорах. И о союзе, который он предлагает. Гаральд готовится отразить Вильгельма. Он не ждет норвежцев. Это вам на руку.

Харальд кивает:

– Это все?

– Если... Когда Харальд разобьет англичан в Нортумбрии, он поможет Вильгельму сражаться с ними, пока Вильгельм не займет трон Англии. Это все.

– Как всегда. Главное – под самый конец. Твой герцог хочет, чтобы я помог ему против Гарольда. Я извещу тебя, когда прийти за ответом.

Харальд жестом отпускает посла, посольство кланяется и уходит.

И сразу – движение и переговаривание за столом.

– У Вильгельма не хватает людей, – говорит седой викинг.

– Ударить с двух сторон – Гарольд не устоит, – это Свейн.

– Вильгельм хитер... – задумчиво произносит бывший советник Магнуса.

– Если мы призовем викингов из Исландии и Швеции – мы и без Вильгельма будем сильнее англичан, – после раздумья говорит Харальд. – И сильнее Вильгельма. Пусть он

тогда будет хитер, если сумеет...

200. Все море покрыто кораблями скандинавов – узкими боевыми драккарами и пузатыми грузовыми кноррами. Вздуты цветные паруса.

Бьет крыльями черный ворон на стяге Харальда. Седеющий, по-прежнему мощный конунг стоит на носу и горделиво оглядывает собранный флот.

– Я по-прежнему великий морской конунг, – с ностальгической усмешкой обращается он к седому викингу рядом.

– Да хранит тебя Один и твоя удача, – отвечает тот.

Близится английский берег.

Вторжение

201. Поле. Вечереет. Трупы. Воронье.

По краю поля неспешно идет Харальд в сопровождении седого и Магнусова советника.

– Гарольд глуп, – говорит Харальд, продолжая разговор. – Мы уничтожили половину его войска. Хороши его ярлы – бежали с битвы, бросив людей. Теперь мы сильнее той половины, которая у него осталась. – Хмыкает: – Если что-нибудь еще осталось после встречи с Вильгельмом. Англичанин должен был драться с нами по очереди, а не делить свои силы.

– Прошла уже неделя с высадки, – говорит советник. – Пора бы получить известие от Вильгельма.

– Гонца могли сшибить стрелой в лесу, – пожимает плечами Харальд.

– Вильгельм опытен. Он послал бы отряд. Или корабль – водным путем.

– У него мало сил. Жадничает людьми, – усмехается Харальд.

– Из Каена сюда три дня на веслах. И меньше двух в попутный ветер, – замечает седой викинг (чуть озабоченно).

202. За увалом поле сбегает к берегу широкой реки. Весь берег – в кораблях. Костры, котлы, мясо, бочонки: войско победителей отдыхает, ужинает.

203. Трое спускаются к берегу.

– Можно двинуться на юг. На Лондон, – вслух размышляет советник.

– Зачем? – пожимает плечами Харальд.

– Лучше нам соединиться с Вильгельмом.

– Предоставим Вильгельма его судьбе. Если даже Гарольд разобьет его – мы легко перебьем тех, кто уцелеет после битвы с нормандцами. И вся Англия будет наша.

Седой вдруг останавливается и мрачно спрашивает:

– Харальд! А если Вильгельм решил то же самое?

– О чем ты? – не понимает Харальд.

– Если он решил сам перебить англичан, которые уцелеют после битвы с нами?

– Тогда ему придется перебить женщин и детей, – лаконично отвечает Харальд, и все трое хохочут.

204. Ночью, устраиваясь спать на палубе корабля, советник окликает Харальда:

– До Йорка отсюда один переход. За городскими стенами нам будет спокойнее ждать, кто ни приди.

– Я думал об этом. Но сначала нужно отправить домой раненых. И собрать местных крестьян, чтобы похоронили всех мертвых.

Последняя битва

205. Другой пейзаж, и солнце склоняется к закату. Вдали – городские стены, за ними крыши и высится колокольня.

Норвежцы разбивают лагерь на ночь: суета лагерного обустройства.

Пара всадников пригоняют в лагерь десяток лошадей. Один, спрыгивая с рослого белого оседланного коня, подводит его к Харальду:

– У меня есть подарок для тебя, конунг!

Харальд принимает поводья, хлопает коня по шее, гладит морду:

– Я люблю таких коней. На нем можно въехать завтра в Йорк.

– Сначала придется его взять, – замечает советник.

– Если бы они понимали, кто мы, они не закрыли бы ворота, – отвечает Харальд.

– Потому и закрыли, что понимают, – усмехается седой

ВИКИНГ.

– Незачем тратить силы на взятие Йорка. Не сумасшедшие же они, чтобы надеяться устоять, – говорит Харальд. – И зачем разрушать столицу Нортумбрии, которая теперь наша. Я думаю, завтра мы с ними договоримся.

206. Ночь. Месяц бежит в резных кронах леса.

По лесной дороге, меж огромных стволов, споро и нешумно движется войсковая колонна. Блеснет шлем под луной, редко брякнет металл о металл. Длинна колонна, сотня за сотней проходят тысячи воинов.

207. Рваное облако пересекает луну – тени бегут по ночному полю.

Над холмом – силуэт неразличимого стяга, и всадник в мантии под стягом. И группа конных вокруг.

Направо взмахивает всадник под стягом. Один из конных срывается направо – мягко стучат обмотанные тряпками копыта.

И правое крыло войска разворачивается напротив лагеря норвежцев.

Влево взмахивает всадник. Скачет посыльный. Левое крыло медленно и тихо охватывает лагерь норвежцев с фланга.

Всадник обнажает меч – и синеватый веер лунного света вспыхивает над ним и рубчато складывается.

Щетина копий опускается горизонтально. Вынутые из ножен мечи выставлены вперед. Боевые топоры – на уровне

нижнего края щитов.

208. На холме. Воин держит за древко стоящий штандарт, и королевский герб – лев со вздетой лапой – различим на нем вблизи.

Золотая насечка блестит на шлеме всадника в мантии – это король Англии Гарольд. Лицо в лунном свете синевато-бледно, глаза черны, рот сжат. Левой рукой он берет у оруженосца белый платок, правой крестится – и широко машет белым платком над головой.

– Да поможет нам Бог перерезать их всех во сне, – приглушенным грубым голосом произносит здоровенный бородатый детина рядом с королем.

209. Медленно, осторожно, бесшумно приближаются к лагерю – подбираются – боевые порядки англичан.

210. Спят в своем лагере норвежцы, кто свернувшись у погасшего костровища, кто растянувшись под плащом: тишина, лишь похрапывает кто-то.

И вдруг громко, заливисто ржет невидимый конь. И тут же: вскрики, вопли, звук ударов – резня началась!

Спавшие заполошно вскакивают, хватаются за оружие, сталкиваются друг с другом, мечутся беспорядочно.

Работая оружием как косцы, как мясники, сжимают полукольцо шеренги англичан – изрубленные трупы остаются за ними.

211. Вскочивший Харальд хватает меч, секунду озирается, бросается к пасущемуся рядом белому коню, рассекает

привязывавшую его веревку, прыгает на него.

– Отступать ко мне! Строй круг! – гаркает он, вглядываясь во тьму. – Всем собраться! Мы их вырубим! – ревет он.

Рубясь в лязге оружия, привычно и умело убивая нападающих, стягивают и уплотняют вокруг него оборону норвежцы, их здесь становится все больше.

212. Серый рассвет. Гарольд с окружением на своем холме. Оценивающе рассматривает поле битвы и оставшихся врагов.

Трупами покрыто все пространство вокруг пологого холма напротив, в нескольких сотнях ярдов. Стоя среди поверженных чужих и своих, тускло-серое в кольчужном металле, английское войско кольцом охватило холм – держась на расстоянии от обороняющихся.

В холщовой и кожаной одежде, не успевшие ночью надеть доспехи, многие без щитов, угрюмо и решительно держат круговую оборону на холме норвежцы.

В центре на вершине – Харальд на белом коне. Безветрие, и зеленый флаг над ним почти не шевелится – редко и бесильно шевельнет крылом черный ворон.

213. Харальд надевает шлем. Берет поданный щит. Поднимает над головой меч.

– Харальд, конунг Норвегии и Нортумбрии, вызывает короля англичан на поединок! – яростно ревет он и трогает коня.

214. Гарольд видит со своего холма, как белый конь под

Харальдом спотыкается и припадает на переднюю ногу.

– Вот сильный и храбрый человек, – произносит он, – но, видимо, его удача оставила его.

Берет поданный ему алый платок и взмахивает над головой.

Английское войско медленно и неотвратно движется вперед, сжимая кольцо. Достигает линии норвежцев – и начинается рубка.

215. Конь под Харальдом падает, убитый ударом копья. С мечом в правой руке и секирой в левой рубится непобедимый Харальд.

216. – Похоже, его и вправду никому не одолеть, – говорит Гарольд.

– Я доставлю тебе его голову, – зловеще обещает здоровенный бородатый детина рядом с ним, обнажает огромный меч и дает шпоры коню.

217. На черном коне, в вороненых доспехах, мчится огромный англичанин сквозь сражающихся к Харальду.

Остается десяток шагов: Харальд сильным махом посылает с левой руки тяжелую секиру, тот принимает ее на щит, она пробивает щит и застревает, от силы удара англичанин теряет равновесие и падает из седла, конь умчался.

Поединок гигантов. Харальд уклоняется от его выпада, бьет – но меч не пробивает кованый нагрудник англичанина. Тот зловеще ухмыляется. Еще выпад, уклон – меч англичанина чуть чиркнул самым кончиком острия наискось по шее

Харальда сзади-сбоку: рассечен тонкий кожаный шнурок, и палочка, висевшая на груди – старая, отполированная временем, белый жребий с первого драккара Харальда – падает на землю. В горячке боя он не замечает этого, они перемещаются друг вокруг друга.

Амулет затаптывается ногами других сражающихся...

Англичанин наносит страшный удар, Харальд подныривает под его меч – и свой клинок вонзает ему прямо в открытый рот (лишь часть лица англичанина не защищена броней). Англичанин выпучивает глаза и застывает. Харальд выдергивает меч с окровавленным концом – и тут же забывает о рушащемся поверженном, бросаясь на следующего.

218. В задних рядах англичан – один из лучников. Правую руку сует за левое плечо, чтобы достать из висящего за спиной колчана очередную стрелу. Проверяет рукой – последняя стрела осталась в колчане.

Накладывает ее на тетиву и долго выжидает удобную цель, глядя меж сражающихся своих и врагов.

Срубив очередного, Харальд на секунду застывает, ища следующую жертву и открываясь меж фигур стрелку.

Оттянув тетиву на полную, до мочки правого уха, лучник пускает стрелу из большого английского лука.

Она пробивает Харальду горло, шея пронзена насквозь.

Он стоит. Стоит и смотрит перед собой. Видит лучника. Встречается с ним взглядом. И, чуть подняв опущенный меч, делает несколько шагов к нему.

Лучник в суеверном ужасе пятится.

219. Пятясь, он задевает ногой разрубленный живот лежащего на земле седого викинга. Лицо того искажает злобная и радостная гримаса, и последним усилием он отрывает от земли свою руку с зажатым в ней мечом и втыкает его снизу лучнику в живот.

220. Поле битвы перед глазами Харальда покрывается прозрачной розоватой вуалью, делается зыбким, все звуки стихают, исчезают... возникает тихий звон, превращающийся в явственный перебор гусельных струн. Угасающим взором он еще различает свой стяг: ветер поднялся, развернулось полотнище, и непобедимый черный ворон бьет в небе простертыми крыльями.

– Отнесите меня на корабль... – внутренним голосом выговаривает Харальд.

221. Это флаг его бьется и трещит на мачте, красный квадратный парус вздут под ним, скрипят снасти, летит пена, бьют волны – и сквозь пенные буруны, под грозную и победную музыку, летит на нас узкий черный драккар. Захлестываемый волнами – он летит на нас.

Эпилог

Так жил и так погиб 25 сентября 1066 года от Рождества Христова в сражении при Стэмфорд-Бридж близ Йорка прославленный во многих странах воин знаменитый король

Норвегии Харальд III Хардероде.

Телу его были возданы воинские почести, оно было доставлено на родину и похоронено подобающим образом.

Два дня нужно спешащему день и ночь гонцу из Йорка, чтобы достичь устья Соммы, что на нормандском побережье Английского канала. Один день нужен готовому к посадке на собранные корабли войску, чтобы переправиться через пролив и высадиться в Англии.

28 сентября 1066 года великий герцог Нормандии Вильгельм, незаконнорожденный сын Роберта Дьявола, высадился с девятью тысячами воинов в Певенсейской бухте близ Гастингса.

Измученная тысячей километров непрерывных форсированных переходов с полным вооружением, истрепанная и втрое поредевшая в кровавых битвах на другом краю Англии, английская армия смогла противопоставить нормандцам десять тысяч человек.

14 октября 1066 года в известном всем тяжелом и затяжном сражении при Гастингсе судьба Англии переломилась. Вильгельм взял корону.

Советник и стратег Вильгельма, приор монастыря Ле Бек и магистр университета Болоньи, шестидесятилетний итальянец Ланфранк сказал:

– Мы победили Божьим соизволением и нашей мудростью.

– Да, – ответил Вильгельм. – Но доблестью победил он.

Назвать имя он не счел необходимым.

Нью-Йорк, 2002

О дикий Запад!

– Как они там кино делают – черт их знает! Ну ладно – плохо поставлено. Ну ладно – плохо играют. Ну ладно – дешевый фильм, мало декораций, слабая работа. Но ведь все равно – миллионы денег ухлопано! Так ведь еще и изначально придумано плохо! Ведь самое простое, самое дешевое в кино – это сценарий: один человек плюс один карандаш. Ну хоть придумать-то можно хорошо? Время на это-то есть? А то ведь смотришь боевик: убожество слезное, мозговая плесень! Хороший сценарий – так хоть есть что ухудшать. Они же нулевыми средствами тянут нулевой сценарий – бред обреченных. Вот же окопались сценаристы в кино – гранатометом не вышибешь, насмерть держат рубеж у заветного порога.

– Да? Напиши хороший сценарий. И посмотри, как от него в кино ничего не останется: режиссер гений, актеры гении, сценарист дурак, пшел вон, болван, не путайся под ногами.

– Да я бы им под холодную закуску левой ногой такое заворачивал за полгонорара – никакой постановкой не угробить, за счет голого сюжета и раскладки ситуаций фильм бы на ура держался. Народу простого кина охота, чтоб дух захватывало, и похохотать, и слезку вытереть.

– А-а! Так что ж ты тут сидишь? Давай, заворачивай.

– Да элементарно! Сейчас я тебе кинуху расскажу – фи-

ниш. Еще все будет перед глазами стоять, покажется потом, что ты это точно в кино видел!

– Ну-ну. Гомер из Конотопа. Представляю себе эту развесистую клюкву.

– Слушай внимательнее и тогда представляй. Сейчас.

Вот. Допустим, так.

Кадр первый.

Смоленый борт шхуны, нос режет морскую волну. Солнце, голубизна, чайки кричат, кружась над мачтами. У фальшборта – обросшие, обветренные моряки жадно вглядываются: родной берег!

Пыльная улица китобойного поселка на Восточном побережье Штатов: темные домики с садиками, собаки у заборов, баркасы и сети у причалов, дымок кузницы, крест церкви. Вниз, к берегу, несутся мальчишки с воплем:

– Шхуна пришла!

Девушка, красивая, юная, белокурая – щемящая сказка, а не девушка! – поворачивает лицо. Видит что-то вдали: бледнеет, вспыхивает, розовые детские губы приоткрываются...

– Слушай, ты когда-нибудь в Штатах был?

– Нет; а зачем? А ты?

– Зачем же ты берешься за то, что знаешь только по глупым фильмам и книжкам? Я бы сказал, что это вторично, если бы это не было третично и четвертично! Раскрашенный картон, а не жизнь.

– А наплевать – зато интересно. Зрителю нет дела до эсте-

тических тонкостей – какая разница, что там вторично, а что нет, главное, чтоб здорово было. Итак, повторяю для дундуков:

...розовые детские губы приоткрываются. Приоткрываются, понял? Я сказал! Ага... приоткрываются, что-то беззвучно и счастливо шепча, слезинки тихо скатываются из сияющих глаз, грудь ее вздымается от прерывающегося взволнованного дыхания.

Во – именно это лучше пустить первым кадром.

А дальше:

Белый парус на грани синего неба и синей воды.

А дальше – борт шхуны и моряки.

А дальше – возбужденная и восторженная суета на берегу: толпа у причалов машет, вытягивает шеи, галдит. А шхуна близится к берегу.

Или нет – лучше так:

Первый кадр:

Прелестная девушка, несчастное лицо, отрицательное движение, прерывающийся голос:

– Нет... никогда. Он вернется. Он сказал, и он вернется...

Угрюмое и сильное лицо молодого мужчины, черные кудрявые волосы, резкие черты, мрачно горящие глаза:

– Два года прошло. Он не вернется! Его давно нет, нет! А я – я умру за тебя... Я люблю тебя. Я сделаю все, чтоб ты была счастлива...

– Нет!.. Я буду ждать его тысячу лет. Стариком. Калекой.

Даже в могиле я буду ждать его! – Голос девушки дрожит, звенит от слез.

Вот тут она и замечает парус.

Итак: толпа на берегу: женщины и принаряженные, и рас-трепанные – только от корыта, старики с палками, шейные платки, кожаные куртки, морщины выдублены соленым ветром, кто-то смотрит в подозрную трубу, кто-то держит ребенка на руках.

Мужские замечания:

– В полном грузу.

– Верных три тысячи бочек ворвани.

– А грот-стенга-то у них заменена! Здорово, видно, потрепало...

– Ты хоть знаешь, что такое грот-стенга?

– Неважно. Знаю. А что?

– Нельзя же лепить такие дикие стертые штампы!

– Почему это нельзя? Можно. Ты не знаешь, что такое сила штампа! Это ж готовые образы, страсти, – только платок от слез выжимай! Я такое штампами наштампую – не оторвется ни один эстет: губки покривит, а проглотит, еще и поскребет его по сердечку!

– Да мне неинтересен этот какой-то детский наивняк!

– Гражданин, заткнитесь или выйдите из зала! Кино началось!

Так на чем я остановился? Да:

...Стучает о доски причала швартов, плещет волна, пада-

ют сходни.

Прелестная наша девушка и светловолосый, небольшой и крепкий юноша на носу шхуны неотрывно смотрят друг на друга.

Идут титры – на фоне счастливых встреч, объятий и слез на причале, отцы подбрасывают выросших без них детей. На встречу нашей влюбленной пары мрачно смотрит с краю толпы тот самый молодой мужчина: кожаный фартук, тяжелые руки – очевидно, он кузнец.

– Все вернулись! Все!

– Три тысячи двести бочек!

– У гарпунера рука – тверже железа! – Здоровенный дедина с пиратской повязкой через глаз любовно хлопает по спине светловолосого крепыща. Тот замер, осторожно глядя волосы приникшей к его груди девушки.

Внезапно юноша обводит взглядом толпу:

– А где мать?

В кадре оживление стихает. Резкая смена настроения. Люди молчат, не встречаясь с ним взглядом.

– Почему моя мать меня не встречает?

В тишине юноша бросает взор вдаль: на холме над берегом – кресты поселкового кладбища под зелеными вязами.

– Мать...

Пастор в черном приближается в раздавшейся толпе.

– Мужайся, сын мой... Нет, она жива. И ждет тебя – в твоём доме. Она уже услышала Господа, призывающего ее...

Но не могла уйти, не простившись с тобой...

Кадр следующий:

Тяжело дыша от торопливого шага, почти бегом наверх на крутой берег, юноша почти вбегает в калитку: скулит и счастливо машет хвостом старый пес. Рассохшееся крыльцо, ветхая дверь: юноша влетает в дом.

И застывает: тревога на лице сменяется счастливым удивлением:

Мать, прямая и строгая старуха со следами редкой красоты в прошлом, стоит у накрытого стола и тихо улыбается.

– Мама!..

– Почему ты так тяжело дышишь? Я просто хотела встретить тебя на пороге родного дома. Люди сказали тебе что-нибудь? Глупости, мой мальчик... Материнское сердце просто чувствовало, что ты вот-вот вернешься, и от волнения я немножко ослабла. А сейчас все хорошо. Ну, помойся с дороги, сынок: я испекла твой любимый яблочный пирог. И зажарила индейку. Только мой руки как следует, а не растирай грязь по полотенцу!

Оба улыбаются.

– Теперь мы будем хорошо жить, мама! Я вернулся!

– Такую чушь могли сочинить пятиклассники в пионерлагере.

– Пятиклассники в пионерлагере начистили бы тебе чайник, если б ты мешал им так, как мне. Но я выше ваших укусов, ясно?

Кадр следующий:

Вечер в таверне: празднуется возвращение шхуны. Свечи на грубых столах, пиликают скрипки, дым глиняных трубок, эль в кувшинах и виски в квадратных бутылках, моряки с женами за одним длинным столом, смех, рассказы, гарпунер с невестой на почетном месте.

– А теперь – за того, чей гарпун принес нам удачу!

– Он получает два с половиной пая – а добыты им все паи!

– Не красней, как девушка!

– Твое здоровье!

Танцы. Все слегка пьяны, говор громок, лица покраснелись, пламя свечей пляшет.

И мрачно смотрят из угла на невесту глаза кузнеца: при встрече с ними она слегка вздрагивает и отворачивается.

– Кто этот парень, который так на тебя смотрит?

– Не обращай внимания, милый...

Застолье распадается на группки; гарпунера угощает за своим столом колоритный старик с ногой-деревяшкой:

– В мои времена таких вещей не прощали. Два года он не давал проходу твоей невесте...

Гарпунер подходит к столу кузнеца, встающего под его взглядом. Оба чуть пьяны. Кузнец вдвое крупнее невысокого, несильного на вид гарпунера.

– Я не хочу драки в этот день. Я вернулся, и пусть будет забыто все. Но если еще раз ты на нее посмотришь... – сжимает кулак.

Кузнец заносит свой огромный кулачище.

Наступает мертвая тишина.

Гарпунер резко бьет – кузнец застывает и мешком рушится на пол. Но пока гарпунер возвращается на свое место, хлебнув из чьей-то кружки по дороге, кузнец поднимается и сзади, зверским ударом по уху... – нет – гарпунер успевает пригнуться, и удар достается одноглазому детине. Тот, даже не покачнувшись, в ярости швыряет кузнецу в голову кружку – он пригибается – кружка разносит кувшин пива в руках моряка за другим столом. Начинается всеобщая драка: женский визг, бутылки бьются о головы, разлетается мебель, рушатся перила, звенькают ломающиеся скрипки, миски с салатом надеваются на головы. И после каждого наносимого удара – замахи его стремительны и страшны – скупно и обязательно усмехается гарпунер, обнажая ровные белые зубы: его враги разлетаются, как кегли.

Кадр следующий: утро, парень этот с кряхтением встает с кровати дома, держась за поясницу, хромая: огромный синяк под глазом, нос распух, на лбу шишка. Пьет воду на крыльце: собака в ужасе от вида хозяина скулит и закрывает глаза.

Он корчит рожи в зеркало: смех и кошмар! Погуляли...

И вдруг замечает: что-то не то... Тревожно проходит в другую комнату. А там:

Мать в черном платье лежит поверх убранный постели, бледная как смерть.

– Мама!..

– Не пугайся, сынок... Я встретила тебя... теперь все в порядке. Вчера... я не должна была портить этот день... мой сын вернулся настоящим мужчиной... Таким может гордиться любая мать.

Ну, что ты меня так сжал... У тебя будет хорошая жена. Верная, любящая... работающая, скромная, красивая. Я благословляю ваш брак. Но раньше... Раньше, чем я прощусь с тобой, раньше, чем ты женишься и станешь главой семьи... У вас будет много детей... жаль, не успела понянчить их... Уж прости старуху-мать.

Слеза стекает по его разбитому лицу на дрожащие губы.

– Мой сын не должен уметь плакать. Я запрещаю тебе. Так вот... Раньше ты сделаешь одну вещь. Обещай мне.

– Обещаю, мама...

– Помни.

– Клянусь, мать.

– Хорошо...

Я никогда не говорила тебе об отце. Говорила, что он умер, когда тебя еще не было...

Твой отец был красив, весел... по нему сходили с ума все девушки... Нет, я зачала тебя не в грехе... мы обвенчались – ночью, тайно. Моя семья никогда не отдала бы дочь за ничего бродягу... но мы были молоды, и любили, и не знали препятствий. Мы бежали; семья прокляла меня; братья искали с ружьями... я умерла бы с ним вместе.

Я прожила счастливую жизнь... каждую минуту ее я лю-

била своего мужа. Но он, он не знал, что такое верность... кровь играла в нем, и он не мог противиться. Он изменил мне! я носила тебя под сердцем... я ушла ночью. Говорят, он искал меня долго...

Прошло уже двадцать лет. Иногда доходили слухи: он сейчас где-то на Западе – где сходят с ума по золоту и становятся миллионерами. Год назад приезжал человек из Калифорнии... он его видел... богатым...

Ты найдешь его. Это моя последняя воля. Ты отдашь ему вот этот медальон... это его свадебный подарок... Скажешь, что я любила его и была верна... я вырастила его сына настоящим мужчиной... что перед смертью я простила ему... но не освободила от слова – он навсегда мой! Только мой...

На столе, рядом с горящей в свете дня свечой – медальон на золотой цепочке: юное девичье лицо, лукавое и печальное, в обрамлении пепельных кудрей. Внизу ажурной золотой рамки – крестик, вспыхивающий крохотными лучистыми камнями.

Крестик расплывается, увеличиваясь и бледнея, сквозь него проступает массивный и простой чугунный крест.

Кладбище. Свежий надгробный холмик с крестом. Молчаливый кружок народу. Пастор со скорбным, простым и величавым лицом. Опустив головы, все расходятся. Колокольный звон плывет над старыми вязами, стелющейся под ветром травой; рваные тучи, пенное серое море. Невеста идет, обняв обеими руками руку юноши.

...Вечерняя заря – малиновая кромка – гаснет над краем пшеничного поля. Он и она.

– Что я сделала... Я ни о чем не жалею... Я люблю тебя. Ты мой муж. Мой мужчина. Сильный... Справедливый...

– Теперь я буду с тобой всегда. Всегда, жена моя...

Ночь, дерево, калитка.

– Это надолго? Надолго? – Она тревожна, чуть не плачет.

– Я вернусь скоро. – Он печален, но тверд и уверен.

Хмурый рассвет: он выходит на крыльцо – в высоких сапогах, широкополой шляпе. Ставни закрывает, их и двери заколачивает досками крест-накрест. Отвязывает с цепи собаку, целует ее в морду.

У забора привязан конь. Садится в седло, опустив в переметную суму узелок: носовой платок с горстью земли с родного порога.

Уходящая вдаль к встающему солнцу дорога, силуэт удаляющегося всадника, сидящая на дороге собака с задранной мордой тихонько скулит, и девушка, тоненькая, с распущенными золотыми волосами – смотрит вслед, и опускается ничком в дорожную пыль.

Дальше: палящий полдень, он скачет на лошади невероятно комически, кособоко подпрыгивая и трясясь.

– Тпр-ру!..

Охая с мученическим лицом, держась за зад, кое-как сползает на землю.

– Ох-х... сплошная мозоль. И как на них люди ездят?.

Умывается и пьет из ручья, ложится в тени, кряхтит – и, потирая зад, переворачивается на живот. Лошадь трясет головой и сочувственно ржет.

...Веранда салуна: ковбои в качалках закинули на перила ноги в сапогах с высокими каблуками. Дым сигар, кони у коновязи.

Легкое оживление на невозмутимых лицах: появился наш ковбой. Язвительные замечания.

Он, растерзанный и потный, с грохотом спешивается, чуть не падая. Вростопырку, старательно и неумело привязав лошадь, поднимается по ступеням, неумело и вежливо приветствуя. Все обмениваются ироническими взглядами. Вслед ему – издевательский хохот.

Салун: расхлябанное пианино, дым, игра в кости. Он спрашивает у стойки пиво – и вливает в себя кружку, как в ведро опрокидывает. Вторую. Четвертую. Блаженная улыбка. Шестую.

– Не подать ли ведро, сэр? – осведомляется бармен.

– По-моему, этот парень дырявый.

– Просто он работал раньше пожарным насосом.

Подходит громила:

– Поставьте кружечку, мистер. – Вежливо-нагл.

Приветливая улыбка:

– Пожалуйста.

– И мои друзья – они тоже истомились жаждой. – Широкий жест назад – полдюжины обросших оборванцев нахаль-

но ждут. – Правда, желудки у бедных малюток малы для пива, приходится пить виски.

Наш ковбой отворачивается. Шуточки: «Он пьет за свою лошадь тоже». «Отодвиньтесь, джентльмены – сейчас из него брызнет».

– Вам не залило пивом уши, сэр? – Громила наклоняется к нему. – Разве вы не слышали просьбы? – Льет на него пиво из кренящейся кружки. Хохот.

Наш ковбой последним усилием воли сдерживается – и резко бьет его. Колотуха у него – пушка! (Ну, рука-то – гарпун в кита всаживать!) Громила безжизненно валится на пол.

Оборванцы бросаются на него – разлетаясь под ударами. Всеобщая махаловка: рушатся перила, разносятся столы, со звоном разлетаются бутылки, на рояле визжит задравшая юбки девица – пьяный нежно лапает ее за ноги, удивленно их разглядывая – и с аккордом падает на клавиши.

За столиком в тихом углу – крупный немолодой человек с сильным резким лицом: тяжелая челюсть, седые виски, ковбойский костюм – мэн что надо. Когда очередной драчун летит на его стол – он смахивает его в сторону или отшвыривает ногой, не выпуская сигары из зубов и стакана из руки. С одобрением следит за нашим.

Перед ним – карты и кучки денег: шла игра.

Нашего парня одолевают: целая куча держит и бьет.

Седоватый мэн сгребает все деньги со стола в карман, до-

пивает стакан и спокойно подходит к махаловке. Раскидывает всех:

– Здесь кто-то хотел пить? – Кидает ожившего громилу через стойку в лохань с водой.

– И бедные малютки тоже? Они пьют только виски?

«Малютки» поочередно летят в стойку с бутылками: грохот, звон.

Бармен:

– Сэр, у меня салун, а не похоронная контора. Зачем в моем бизнесе столько покойников? Неплатежеспособных покойников, сэр!

Обходя стойку, громила – после лохани вода течет с него – поднимает руку с кольцом. Мэн хватает стакан, швыряет: громила со стоном роняет кольцо, с его запястья капает кровь.

Мэн вытаскивает свой кольт. Гробовая тишина.

Выстрел. Громила отшатывается: в стене сбоку его головы дырка от пули. Выстрел. Отшатывается: дырка с другой стороны. Мэн, холодно:

– Ну, прочистило тебе уши? Или требуется сквозняк в чердаке?

Швыряет бармену деньги из кармана – они, кружась, опускаются.

– О! – Бармен кланяется. – Можете продолжать, джентльмены, если вам это доставляет удовольствие. Девиз моего заведения – клиент не получит отказа ни в чем.

И вот, значит, раскачиваясь рядом в седлах, едут верхом

по дороге среди зарослей мэн и наш парень, – один спокоен, ловок в седле, другой – растерзан и неуклюж.

– Зачем ты вмешался?

– Я люблю, когда один бьет всех. И не люблю, когда все бьют одного. – Мэн почти не шевелит ртом с сигарой.

– Чего они ко мне привязались?

– Разве сильному нужен предлог, чтоб бить слабого?

Мэн бьет ребром ладони по нависшему над дорогой суку – сук переламывается и падает.

– Ого!

– Этому меня научил один японец в Сан-Франциско.

Вынимает кольт, сшибает на лету птичку.

– Ого!

– Взамен я научил его стрелять.

– И где он теперь?

– Кто? – Мэн с затяжкой цедит слова.

– Ну, тот японец.

Мэн многозначительно-иронически смотрит на небо:

– Он оказался слишком способным учеником. Достиг больших высот, чем рассчитывал.

– Как это?..

– Довольно просто. Перестрелял столько народу, что восхищенные жители в знак его превосходства повесили его повыше.

...Короче, мэн тоже держит путь на Запад – «есть у меня там одно дельце». А с попутчиком веселей. И вообще ему

нужен напарник в пути. А парень ему нравится.

И мэн начинает учить его всем ковбойским премудростям: кадры так и меняются:

Мэн лихо вскакивает в седло – парень неуклюже подражает и валится, как куль, с лошади, – мэн изумленно кривится.

Мэн швыряет кольт из правой руки в левую и шестью выстрелами сносит с черты шесть камешков; парень роняет кольт, мажет пять, а шестым дырявит ведро, из которого пьет лошадь – она укоризненно ржет.

Мэн бьет ладонью левой руки по курку, сажая барабан пуля в пулю в толстый ствол дерева – парень неуклюже хлопает по кольту.

Мэн прыгает на коне через ручей – парень с брызгами летит в воду.

Мэн набрасывает лассо на горлышко бутылки – парень комично-неловко набрасывает лассо ему на голову.

Мэн легко парирует его удары, швыряя его в разные стороны, как тряпичную куклу. Но раз парень попадает ему в челюсть – мэн валится. Придя в себя – парень перепугался – мэн одобрительно усмехается: «Уже лучше...»

В одежной лавке мэн выбирает ему экипировку: замшевую куртку с бахромой, стетсон, шейный платок. В сапожной – сапожки с высокими каблуками: парень на них спотыкается. В шорной – седло и сбрую. В оружейной – револьвер и патронташ. На ярмарке – коня.

Качаются рядом в седлах два ковбоя – хана всему: старый

волк и юный.

– Но я истратил почти все деньги!

– Зато теперь ты доберешься до места. Покойникам деньги еще никогда не помогали.

Заходят в салун, парень небрежно швыряет последние монеты на стойку. Их повадка всем внушает почтение.

За столиком мэн достает карты, предлагает парню перекинуться на последние его деньги. Тот непонимающе берет карты. Играть в покер не умеет. Один его поправляет, не выдерживая, – парень молча, не вставая, бьет его ребром ладони по горлу – тот улетает.

– Возможно, у вас принято вмешиваться в игру и говорить под руку, джентльмены? – Мэн разряжает обстановку. – Если ему угодно проиграть мне, это только наше с ним дело.

Пара человек подсаживается, завязывается игра. Мэн живо обдирает парня, потом спускает почти все одному местному, потом кучу выигрывает. Из выигрыша ставит всем выпивку – задабривая.

Вечером в комнате салуна наверху при свече отсчитывает парню половину выигрыша: «Твое». В ответ на недоуменный взгляд: «Это справедливо. Завтра объясню...»

Парень в темноте, шепотом: «Ну почему?..»

Мэн: «Послушай, я ведь тебе не жена, и ночью хочу только спать. Что за объяснения при луне... романтика...» – Храпит.

В лесу играют вдвоем в карты на пне. Мэн с треском тасу-

ет колоду, пуская карты веером. Парень пытается повторить. Мэн: «Следи внимательнее за моей правой рукой». Сдает, открываются: у парня каре, у него – флешь-рояль. Сдает парень: все вразной. Мэн сбрасывает три карты: «А теперь следи внимательнее за моей левой рукой», – добирает до флеша. Парень изумлен.

– Если на дороге валяются деньги – надо уметь наклониться, чтоб их подобрать. Дело любит профессионалов.

– А ты по какой части профессионал?

– По главной, малыш. По части жизни. Я был в плену у малайских пиратов, перегонял скот через мексиканскую границу, торговал пушниной на Аляске, искал алмазы в Южной Африке. – С каждым словом мэн выбрасывает из колоды туза.

– Тебе не везло?

– Мне всегда везет.

– Тогда почему?..

– Почему я здесь? Я из гордости смеялся над удачей. Чувствовал себя выше ее. А она этого не любит. – Выбрасывает из колоды смеющегося джокера в шутовском колпаке. Проводит над ним рукой: и это уже дама червей. Проводит еще раз: двойка пик...

– Вот так-то. – Отхлебывает из бутылки.

Салун, вечер, большая игра. Мэн с парнем, обмениваясь взглядами, выигрывают кучу денег. К ним подсаживается тощий белобрысый дурачок, вынимая пять долларов из-за под-

кладки засаленной шляпы, – они уже собирались кончать игру. Выигрывает десятку. Мэн хлопает его по плечу и хочет встать.

– А можно еще разочек, мистер?.. – Дурачок восхищен.

Выигрывает еще. Салун грозно настроен в его пользу, руки на кобурах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.